Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 39. 1-го мая 1903 года. № 39.

International Book Store
A. Wassermann,
20 Canton St. New York

ПОСЛѢДНЯЯ КАРТА ЦАРИЗМА.

У насъ опять начинаются еврейскіе погромы. Всѣмъ извѣстно, какой отвратительный, жестокій и мрачный характеръ имѣютъ явленія такого рода. Религіозный фанатизмъ, племенная вражда, желаніе поживиться на чужой счетъ, насиліе, издѣвательство надъ слабыми, а подчасъ и звѣрская жестокость, — словомъ, самыя дикія страсти находятъ въ нихъ самое дикое выраженіе. Но только что совершившійся кишиневскій погромъ побилъ рекордъ дикости и звѣрства. Никогда еще „громилы" не были такъ предпріимчивы, никогда еще не были они такъ безпощадны, никогда еще число ихъ жертвъ не доходило до такой высокой цифры. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эту статью, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ насчитывается уже болѣе ста. За нами отдѣляется на тотъ свѣтъ, вѣроятно, еще не мало страдальцевъ, изнывающихъ теперь въ тяжелыхъ мукахъ. „Разгромъ длился съ полудня 6-го до 8 апрѣля на разсвѣтъ, — говоритъ комитетъ кишиневской соц.-демократической организаціи, — и, можно сказать, нѣтъ буквально ни одной еврейской квартиры, не пострадавшей такъ или иначе, ни одного цѣлаго стекла въ окнахъ. ...Море перьевъ на улицахъ; перьями, какъ инеемъ, облѣплены деревья, заборы; груды разбитой, уничтоженной, искрошенной рухляди и одежды; среди перьевъ, обрывковъ русскихъ и еврейскихъ книгъ, лоскутьевъ священныхъ еврейскихъ облаченій, кофточекъ, старыхъ брюкъ и обломковъ мебели, камня, обагренные, насквозь пропитанные человѣческой кровью; ручейки запекшейся крови на тротуарахъ, въ коридорахъ, въ домахъ... Пострадали болѣе всего бѣднѣйшіе еврейскіе кварталы. Уничтожены мелочныя лавочки, рундуки, разорена голь, убиты беззащитнѣйшіе изъ беззащитныхъ... Плачъ и стонъ виситъ надъ городомъ..."

Описывая тотъ же погромъ, одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ говоритъ: „Врывались въ дома, грабили, убивали; убивали истерей, защищавшихъ своихъ дѣтей, а дѣтей бросали изъ оконъ третьяго этажа. ... Съ оконокъ схватывали людей съ еврейскими лицами и тутъ же убивали. Евреи въ паникѣ бѣжали въ городъ, но ихъ ловили на улицѣ и убивали; нѣкоторымъ удалось достичь вокзала, они уѣзжали въ Одессу. Въ Одессу пріѣзжали цѣлые поѣзда полураздѣтыхъ евреевъ, не äашихъ по два, по три дня... Многіе еще до сихъ поръ не нашли своихъ дѣтей, такъ какъ послѣдніе въ ужасѣ прятались въ погребъ, въ бочки и, вѣроятно, умерли тамъ отъ голода. Родные не узнаютъ труповъ, такъ они изуродованы бунтами"... Кто же совершалъ эти ужасы? Кто несъ плачъ и стоны въ среду „беззащитнѣйшихъ изъ беззащитныхъ"? Толпа „громилъ" отличалась „очень пестрымъ характеромъ. Въ ней были и пришлые строительные рабочіе, и ремесленники, и земледѣльцы. Но замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ толпой руководили „интеллигенты": нотаріусы, члены управы, врачи. „Мы не говоримъ уже, — прибавляетъ названный комитетъ въ своей прокламаціи, — о сочувственномъ отношеніи къ дѣйствіямъ толпы со стороны главнѣйшей публики, состоявшей главнымъ образомъ изъ чиновниковъ съ ихъ дамами, офицеровъ и буржуазіи. Словомъ вызывающимъ смѣхомъ, шуточками, одобрительнымъ попыканіемъ толпы, подбадриваніемъ ея, а подчасъ указаніями и совѣтами она морально поддерживала на дикіе инстинкты толпы и приводила ее въ то непонятное остерененіе, послѣдствіемъ котораго явились вырванныя съ животомъ ноги, отрѣзанные языки и губы и изнасилованныя дѣвушки и беременныя женщины. Учащіеся разъѣзжали на велосипедахъ и поддерживали сообщеніе между отдѣльными отрядами громилъ. Чиновники и „интеллигенты" записались во время безпорядка похищенными принадлежностями изъ разграбленнаго магазина Шаха."

Пусть же нравственная отвѣтственность за совершенныя въ Кишиневѣ неистовства падетъ прежде всего на эту жалкую, непрочную и жестокую будто-бы интеллигенцію, лишенную самой элементарной гуманности, чужду самомальйшаго сознанія своей обязанности передъ страною. Это отрѣзые человѣчества, эта подлая чернь, обязываю именующаяся образованнымъ классомъ, позорья себя несмываемымъ позоромъ передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Вѣдь, кто знаетъ имена этихъ „интеллигентныхъ" громилъ, должень довести ихъ до всеобщаго свѣдѣнія. Намъ извѣстно, напримѣръ, что нотаріусъ *Писаревскій* и сынъ мѣстнаго богача *Симоднно* отмѣчали мѣломъ еврейскіе дома и указывали квартиры тѣхъ христіанъ, которые укрывали евреевъ. Мы спѣшимъ прибить эти имена къ позорному столбу*).

Для темныхъ, безсознательныхъ рабочихъ, принимавшихъ участіе въ кишиневскихъ разбояхъ, еще не закрыть путь прогресса. Нынѣшній „громило"-пролетарій можетъ со временемъ понять интересы своего класса, для отстаиванія которыхъ необходимы дружныя усилія рабочихъ безъ различія религіи и племеннаго происхожденія. И тогда въ его сердцѣ проникнетъ жгучій стыдъ при воспоминаніи о тѣхъ звѣрствахъ, въ которыхъ онъ принялъ дѣятельное участіе, вслѣдствіе своей темноты и неразвитости. Логика пролетарскаго движенія такова, что подъ ея неотразимымъ вліяніемъ будутъ все болѣе и болѣе исчезать въ рабочей средѣ національные и племенные предразсудки. А какова логика движенія той „образованной" и чиновной черни, которая наслаждалась зрѣлищемъ кишиневскаго погрома или даже руководила имъ? Странный вопросъ! *Эта* среда знаетъ только движеніе товарныхъ цѣнъ, да еще движеніе по службѣ; она несособна увлечься никакой широкой общественной идеей. Она руководитъ насильственными дѣйствіями, направленными противъ евреевъ, не потому, что не понимаетъ своихъ классовыхъ интересовъ, а потому, что она понимаетъ ихъ слишкомъ хорошо, и потому что эти интересы, по своей узкости и ограниченности, подсказываютъ ей политику злопыхательнаго мракобѣсія. Часть принадлежащихъ къ этому общественному слою лицъ ненавидитъ евреевъ по той причинѣ, что тѣ являются для нихъ возможными или дѣйствительными конкурентами на разныхъ поприщахъ жизни; другая часть ихъ съ завистью, злобой и страхомъ видитъ въ евреяхъ представителей движимаго капитала, разлагающаго и размывающаго нашъ нынѣшній крѣпостническій государственный и общественный порядокъ; наконецъ, обѣ эти части, равно какъ и всѣ прочія разновидности нашихъ антисемитовъ, съ одинаковымъ удовольствіемъ готовы издѣваться и насильничать надъ *еврейскимъ рабочимъ*, который имъ, — привыкшимъ ужасать лишь внѣшнее могущество, — кажется презрѣннымъ, жалкимъ, потому, что онъ *пролетарій*, а во-вторыхъ, потому, что онъ пролетарій особой породы, пролетарій, лишенный даже того жалкаго подобія жалкихъ правъ, которыми обладаютъ русскіе пролетаріи христіанскаго вѣроисповѣданія. Избавить евреевъ отъ преслѣдованій, идущихъ со стороны *этого* слоя нашего населенія, можетъ только *революція*, которая смететъ съ лица русской земли постыдные остатки средне-вѣковыхъ учрежденій и, уравнявъ еврея въ гражданскихъ и политическихъ правахъ со всѣми другими гражданами, поставитъ его подъ защиту *демократической конституціи*.

Но отличительную черту „образованной" черни составляетъ, какъ извѣстно, *трусость*, вслѣдствіе которой она, какъ говорится, *держитъ носъ по вѣтру*, т. е. чутко прислушивается ко всѣмъ распоряженіямъ, идущимъ изъ „высшихъ сферъ". И если эта трусливая чернь храбро поддерживала кишиневскихъ буяновъ, то ясно, что она не опасалась вызвать этимъ неудовольствіе начальства; ясно, что еврейскіе погромы представлялись ей *согласными съ видами предержащей власти*. И она не ошиблась. Правительство не только не торопилось остановить кишиневскій еврейскій погромъ, но раздувало его всѣми зависящими отъ него средствами. Оно само забрызгано кровью замученныхъ въ Кишиневѣ евреевъ.

Это правительство, которое, какъ директоръ полиціи въ извѣстной оперетки, хочетъ все знать, все видѣть и совать свой носъ повсюду, притворялось, что оно ничего не знало о приготовленіяхъ къ погрому, о которыхъ зналъ весь Кишиневъ; это правительство, которое такъ заботится объ „общественномъ спокойствіи", что отвѣчаетъ казацкими нагайками и полицейскими шашками на самыя мирныя демонстраціи сторонниковъ политической свободы, сдѣлало видъ, что оно не можетъ справиться съ кишиневскими „громилами": это правительство, неизмѣнными дезавоме котораго въ борьбѣ со всякими освободительными движеніемъ является *быстрота и наглость*, оказалось точно парализованнымъ, когда ему нужно было охранять имущество и жизнь кишиневскихъ евреевъ. Въ воскресенье, въ два часа пополудни кишиневскій губернаторъ, г. фонъ-Раабенъ, — который, навѣрное, зналъ бы, что ему надо дѣлать, если бы рѣчь шла объ усмиреніи „бунтовщиковъ", но который теперь, очевидно, боялся „не потрафить" и потому не рѣшался дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, — г. фонъ-Раабенъ телеграфировалъ въ Петербургъ, требуя указаній. Отвѣтъ на его запросъ пришелъ только въ шесть часовъ вечера въ понедѣльникъ. Намъ неизвѣстно, что именно отвѣчалъ г. Плеве, но уже одно то обстоятельство, что онъ не отвѣчалъ *болѣе сутокъ*, показываетъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ ничего не имѣло противъ погрома. Низшія полицейскія инстанціи очень хорошо поняли это и потому не только не защищали евреевъ, но прямо содѣйствовали ихъ избіенію. Въ „*Послѣднихъ Извѣстіяхъ*" Заграничнаго Комитета Бунда мы читаемъ: „Когда толна нападала на какой-нибудь домъ, полиція придерживалась такой тактики: давъ толпѣ уничтожить все, что возможно было, она внезапно являлась и говорила: „довольно, идите дальше", руководя такимъ образомъ дѣйствіями толпы. Въ одномъ мѣстѣ толпа евреевъ собралась для защиты магазиновъ и чтобы оказать сопротивленіе. Явленся приставъ и велитъ толпѣ расходиться. Та отказывается. Тогда призываетъ конный патруль, который врѣзывается въ толпу и нагайками разгоняетъ евреевъ. Черезъ нѣсколько минутъ туда же являются погромщики, а полиціи и патруля и слѣдъ простылъ! Въ другомъ мѣстѣ евреи, спасаясь отъ мученической смерти, по крышамъ домовъ добрались до полицейскаго участка и почувствовали себя на минуту [illegible] на улицу и отдали на растерзаніе дикой толпѣ. Послѣ погрома въ саду найдена безграмотно написанная прокламація приблизительно такого содержанія: „Полиція начала грабить, а теперь, получивъ хабару отъ евреевъ, начала насъ сажать въ тюрьмы"... Въ народѣ читались грамоты, въ которыхъ по высочайшему повелѣнію приказывается избивать евреевъ". Въ словахъ найденной въ саду безграмотной прокламаціи врядъли есть какое-нибудь преувеличеніе. Починъ грабежа, повидимому, дѣйствительно принадлежитъ полиціи. Только что цитированный нами № „*Послѣднихъ Извѣстій*" сообщаетъ, что еще *наканунѣ Пасхи* помощникъ пристава Добросельскій, зайдя въ табачный магазинъ Бендерскаго, безцеремонно запустилъ руку въ кассу и вынулъ оттуда пять рублей. Въ отвѣтъ на протестъ удивленнаго хозяина онъ замѣтилъ: „все равно мы васъ всѣхъ жидовъ на Пасху перережемъ". Но это еще не все. Крестьянинъ Соловьевъ, принимавшій участіе въ погромѣ, пришелъ въ полицейскій участокъ и заявилъ, что имъ убитъ еврей. Его посадили въ арестантскую, но... *на другое утро онъ былъ найденъ мертвымъ*. Полиціи нужно было во что бы то ни стало воспрепятствовать ему давать показанія.

Это было тѣмъ болѣе необходимо, что она слишкомъ уже потаралась, и высшему начальству пришлось, для приличія, привлечь ее къ отвѣтственности. По окончаніи погрома, у пристановъ и надзирателей сдѣланы были обыски, и у многихъ изъ нихъ найдено было награбленное золото и серебро. Нечего сказать, хороши эти представители „порядка"! *Само собою* разумѣется, что заботливое начальство сдѣлаетъ все, чтобы скрыть слѣды ихъ преступленій. За это ручается *хотя бы то*, что въ слѣдствіи по этому дѣлу принимаетъ участіе, между прочимъ, такіе чиновники, *которые сами грабили евреевъ*.

Дальше этого издѣвательство надъ правосудіемъ идти не можетъ. Повторяемъ, царское правительство сверху до низу, отъ министра внутреннихъ дѣлъ до послѣдняго кишиневскаго сышика, обагрено кровью замученныхъ въ дни Пасхи евреевъ. Это теперь видятъ всѣ и каждый, это поняется теперь даже консервативной западной печатью, никакія „разъясненія" и „сообщенія" со стороны правительства не помогутъ ему скрыть истинное положеніе дѣлъ. Нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ такого ловкаго софиста, которому удалось бы снять съ него нравственную отвѣтственность за *организацію дневного разбоя, за сочувствіе въ грабежѣ и убійствѣ*!...

Однако, зачѣмъ же понадобилось ему организовать разбоя? Какую пользу принесло ему его сочувствіе къ грабежу и убійству?

На это легко отвѣтить.

Царскіе слуги хорошо понимаютъ, что тѣмъ больше растетъ наше рабочее движеніе, тѣмъ неустойчивѣе становится нашъ „старый порядокъ", и тѣмъ болѣе приближается тотъ день, когда они должны будутъ расплачиваться за свои безчисленныя преступленія передъ русскимъ народомъ. И они всѣми силами стараются отдалить наступленіе этого судного дня. Борьба съ постоянно растущимъ рабочимъ движеніемъ стала для всѣхъ нихъ отчаянной борьбой за свое собственное существованіе. И они ведутъ эту борьбу съ жестокостью и коварствомъ, достойными самой мрачной эпохи паденія Византіи. Нѣтъ такой подлой мѣры, передъ которой они остановились бы въ своей „охранительной" политикѣ. Сначала они попытались разрушить возникающія рабочія организаціи *путемъ проникновенія въ ихъ ряды шпіоновъ и провокаторовъ всякаго рода*; они надѣялись воскресить въ этихъ организаціяхъ прежнюю печальной памяти Дегаева, *первый періодъ зубатовщины*. Потомъ, увидѣвъ, что этотъ пріемъ не приноситъ всѣхъ тѣхъ плодовъ, которые отъ него ожидались спеціалистами полицейскаго разворщенія; убѣдившись въ томъ, что самосознаніе нашего рабочаго класса безпрерывно дѣлаетъ все новые и новые шаги впередъ, и что соціалистическое движеніе все болѣе и болѣе грозитъ стать движеніемъ *массы*, они сдѣлали попытку *привлечь массу на свою сторону*, обѣщая ей нѣкоторыя экономическія уступки и оказывая ей нѣкоторую поддержку въ борьбѣ съ капиталистами, — *второй періодъ зубатовщины*. Эта попытка сопровождалась и дополнялась попыткой довести до отчаянія передовыхъ представителей пролетаріата и толкнуть ихъ на дорогу никого не терроризирующаго „террора", — *первомайскія розги прошлаго года*. Наконецъ, когда эта попытка оказалась такою же неудачною, какъ и усилія создать въ рабочей средѣ вліятельную „независимую" партію и остановить успѣхи соціалъ-демократіи, правительство Плеве Малоумнаго выкинуло на столъ свою *послѣднюю карту*: оно старается теперь затемнить быстро зрѣющее самосознаніе русскаго пролетаріата, *заразивъ его ядомъ племенной вражды и религіознаго фанатизма*. Своимъ преступнымъ поведеніемъ во время кишиневскаго разбоя русское правительство какъ бы говоритъ намъ, соціалъ-демократамъ: Вы хотите разбудить массу; вы стараетесь сдѣлать ее могущественнѣйшимъ факторомъ дальнѣйшаго историческаго развитія Россіи. Очень хорошо! Будите массу, но знайте, что нерадостно будетъ для васъ ея пробужденіе; помните, что масса есть кровожадный звѣрь, и что когда этого звѣря спускаютъ съ цѣпи, онъ безжалостно терзаетъ все его окружающее, не отличая своихъ отъ чужихъ, не разбирая ни правато, ни виноватаго. Вы взываете къ массѣ, повторяя свой боевой кличъ: „*Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!*", а въ ея средѣ загорится національная вражда, и русскій рабочій пойдетъ „разносить" своего же собственнаго товарища, если только этотъ товарищъ принадлежитъ къ другому племени или исповѣдуетъ другую вѣру. Вы хотите разбудить массу. Посмотрите же на ея кровавые подвиги и сознайте безуміе своего замысла. Вотъ что говоритъ намъ русское правительство своей организацией кишиневскаго разбоя, своимъ соучастіемъ въ кишиневскихъ убійствахъ. И надо сознаться, что эти его слова не лишены внушительнаго краснорѣчія. Они могутъ показаться тѣмъ болѣе убѣдительными, что въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ графу Игнатьеву удалось направить въ антисемитическое русло быстро усиливавшееся народное недовольство и тѣмъ надолго затормозить революціонное движеніе въ Россіи. Намъ, соціалъ-демократамъ, предстоитъ отвѣтить на внушительное краснорѣчіе антисемитическихъ разбоевъ еще болѣе внушительнымъ *краснорѣчіемъ революціонной дѣятельности*.

Намъ предстоитъ фактами убѣдить правительство въ томъ, что времена измѣнились, и что оно не знаетъ, *какову русскій рабочій въ настоящее время*.

Наша партія, идущая во главѣ пролетаріата, обязана показать, что правительство ошибается въ разсчетѣ, полагая, что ему удастся развратить русскій рабочій классъ антисемитической травлей. Она обязана вызвать противодѣйствіе антисемитизму изъ самой рабочей среды. Она обязана собственными силами организовать отпоръ „громиламъ". Какъ именно нужно дѣлать это въ томъ или другомъ случаѣ, зависитъ, конечно, отъ мѣстныхъ условій. Тамъ гдѣ наша партія уже такъ сильна, что она можетъ при первой надобности выдвинуть на улицу нѣсколько *сотъ* пролетарскихъ рабочихъ, она должна немедленно силой подавлять всякія попытки анти-еврейскихъ „безпорядковъ". Тамъ, гдѣ ея вліяніе еще не такъ велико, ей слѣдуетъ отвлекать вниманіе волнующейся массы отъ евреевъ и направлять эту массу противъ полиціи путемъ устройства демонстрацій, нападенія на полицейскія зданія и т. п. Наконецъ, тамъ, гдѣ ей неудается даже и это, наши комитеты должны, по крайней мѣрѣ, смѣло и самоотверженно выступать противъ бушующей толпы и защищать евреевъ, — и вообще избивающихъ инородцевъ, — не отступая ни передъ опасностью, ни передъ нелѣпыми упреками*). Они должны помнить, что, спасая невинныхъ отъ звѣрской расправы, они будутъ спасать честь своей партіи, честь русскаго пролетаріата и будущность всего нашего движенія.

Царское правительство выкинуло на столъ свою послѣднюю карту. Отъ насъ зависитъ убить ее и тѣмъ отрѣзать ему послѣдній путь спасенія. Россійская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія свято исполнитъ свой долгъ передъ русскимъ рабочимъ классомъ, передъ всей страною. *На насъ смотритъ теперь соціалъ-демократія всего міра.*

*) Говорить, что въ Кишиневѣ нѣсколькимъ сѣдымъ людямъ удалось отстоять цѣлыхъ два квартала. Соціалъ-демократы не должны никому уступать честь такого энергичнаго почина.

КИШИНЕВСКІЯ СОБЫТІЯ.

Передъ нами цѣлая масса описаній кишиневскихъ *укасовъ*. Опубликовать ихъ всѣ нѣтъ возможности. Мы выбираемъ свидѣтельства очевидцевъ, проведшихъ въ Кишиневѣ 6 и 7 апрѣля или пріѣхавшихъ туда тотчасъ послѣ погрома.

Начнемъ съ письма, авторъ котораго разсказываетъ буквально лишь то, что видѣлъ своими глазами. „Въ воскресенье на первый день Пасхи приблизительно къ 2 часамъ я былъ на Пушкинской улицѣ вмѣстѣ съ женщ.-врачемъ глазной лечебницы и ея племянникомъ (христіанами). Мы услыхали, что на Гостинной ул. бьютъ окна и рѣшили отправиться туда посмотрѣть, въ чемъ дѣло. На Пушкинской, между Фонтанными переулками и Александровской, я со своими провожатыми услышалъ какъ Пасхарженскій, нотаріусъ, со смѣхомъ и злорадствомъ указывалъ другому господину, что у *жидовъ* бьютъ окна и *скоро* прочимъ у него *также* разбиты нѣсколько стеколъ: мы отправились внизъ по Пушкинской; начиная съ угла Александровской, всѣ окна магазиновъ, не закрытыя ставнями, были разбиты. Дребезги. То же самое было и на всѣхъ улицахъ, по которымъ мы проходили. Тамъ-тутъ, то тамъ шла толпа съ каменьями и палкой и бросала ихъ въ окна. Полицейскихъ нигдѣ, если не считать отдѣльныхъ городовыхъ на постахъ, глазѣющихъ на [illegible] какъ и мы. Уже часовъ 5-5½, когда [illegible] и съ тяжелой душой [illegible] домой и повсюду видѣлъ [illegible] нѣсколькихъ городовыхъ съ [illegible] гали евреевъ, не трогая православ[illegible] окна, состояла изъ 6-8 парней, [illegible] рабочихъ, которыхъ сопровождала толп[illegible] привлечно одѣтыхъ дамъ въ шляпк[illegible] съ тросточками. Зрители большей [illegible] сочувственно къ бьющимъ окна, что сопровождалось [illegible] мѣткій ударъ камнемъ по стеклам[illegible]. Такое же поведеніе публики и присутствіе [illegible] въ другихъ частяхъ города, по разсказамъ [illegible] людей безусловно правдивыхъ. Въ понедѣльникъ [illegible] утра я отправлялся въ городъ. Настроеніе [illegible] было очень тревожное, ожидали того, что [illegible] тихо. Но улицъ ходили патрули, состоящіе [illegible] оружіи. Я было даже успокоился, видя [illegible] дворахъ и выросла въ Россіи [illegible] подворяли спокойствіе. Но мое спокойствіе было непродолжительно. Часа черезъ два, т. е. въ 8 часовъ начался [illegible]. Не будучи въ состояніи сидѣть въ комнатѣ, я въ 8 ч. утра былъ [illegible] на 8 час. вечера. Погромъ, такимъ образомъ, продолжался всего 12 часовъ. Громили лавки и квартиры исключительно еврей-

Третій годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

INTERNATIONAL BOOK STORE
A. WASSERMAN,
29 CLINTON ST. NEW YORK

№ 39. 1-го мая 1903 года. № 39.

ПОСЛѢДНЯЯ КАРТА ЦАРИЗМА.

У насъ опять начинаются еврейские погромы. Всѣмъ извѣстно, какой отвратительный, зоологическій и мрачный характеръ имѣютъ движенія такого рода. Религіозный фанатизмъ, племенная вражда, желаніе поживиться на чужой счетъ, полное, издѣвательство надъ слабыми, а порою и дикая жестокость — словомъ, самыя дикія страсти находятъ въ нихъ самое дикое выраженіе. Но только что совершившійся кишиневскій погромъ побилъ рекордъ дикости и звѣрства. Никогда еще „премія" не была такъ преувеличена, никогда еще не были они такъ безцѣльны, и никогда еще число ихъ жертвъ не доходило до такой высокой цифры. Изъ тѣхъ многихъ, когда мы пишемъ, сотенъ раненыхъ и умершихъ есть ряды, посѣщавшіе уже свои мѣста за прилавкомъ, правятся на тѣхъ же [illegible] Кромѣ того еще не мало [illegible] называющихъ теперь отъ боли мукахъ. Разгромъ [illegible] съ полнымъ [illegible] на рынкѣ. [illegible] кишиневской [illegible] организаціи и [illegible] зать [illegible] данныя [illegible]

Мнѣ [illegible] Деревня [illegible] руками [illegible] точекъ [illegible] населенія [illegible] крови [illegible] бояться [illegible] или бѣгства [illegible]

Отношеніе [illegible] товъ [illegible] хитрости [illegible] тридцать [illegible] ящики [illegible] Комитетъ [illegible] и будетъ [illegible]

Мнѣ [illegible] умѣетъ [illegible] [illegible] Нѣтъ [illegible] Мы [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [

сяхъ домовъ, т. е. тѣхъ, въ которыхъ вчера выбили окна. На Пушкинской ул., между Николаевской и Харлампіевской и по всей Харлампіевской не осталось ни одного магазина. Даже желѣзныя шторы не всегда спасали. Опять тѣ же самыя состоялъ самое большее изъ 15-18 человѣкъ, не старше 20 лѣтъ, по костюму больше горожане. Они ломали ставни ставни и затѣмъ руками срывали уже поломанныя ставни, врывались въ магазины и начинали выбрасывать буквально все къ тѣмъ, что оставался снаружи. Наружная толпа все рвала и бросала, дорогія мантильи, шляпы, перья, ленты, ботинки, золотыя вещи, книги, все было разрушено и разбросано. Куски матеріи рвались на узкія полосы и тутъ же топтались ногами. Духи, мыла разбрасывались въ разныя стороны. Въ числѣ зрителей были чиновники окружного суда, акцизнаго правленія и казенной палаты. Зрители или относились пассивно или буквально поощряли толпу. На протесты нѣкоторыхъ зрителей раздавались отвѣты вродѣ: „да оставьте, это — только жидовъ!“ Одновременно, когда на Пушкинской грабили лавки, другая толпа, состоящая также изъ 15-20 парней, громила Николаевскую, Гостиницу, Александровскую, Подольскую, Кузнечную, Садовую, Остановскую и другія улицы, начиная съ Бендерской по направленію къ вокзалу, причемъ небольшія кучки врывались въ еврейскія квартиры, сорвавъ предварительно оконныя рамы, и первымъ дѣломъ разрывали всѣ подушки и выбрасывали ихъ на улицы. Далѣе ломали мебель на кусочки, ѣсца, дымины, этажерки, однимъ словомъ, все, что было въ домѣ. Но это еще не все. Разъяренная толпа тѣми же кусками мебели начала бить тѣхъ евреевъ и евреекъ, которыхъ заставала въ квартирахъ. Били куда попало: по головѣ, по рукамъ, и въ результатѣ уже похоронено до сегодняшняго дня (13 апр.) 43 покойника. 80 человѣкъ тяжело раненыхъ лежитъ въ еврейской больницѣ и каждый день дѣлается 180 перевязокъ приходящимъ, не считая тѣхъ, которые лѣчатся у частныхъ врачей. Что же дѣлали въ это время войско и полиція? Они стояли и смотрѣли; когда же домъ былъ совершенно разгромленъ, они обращались къ толпѣ: „будетъ — дальше, дальше!“, или натруль врывался въ центръ толпы съ окрикомъ: „расходись, расходись!“, дѣлалъ толпу на двѣ части и уходилъ дальше, давая возможность толпѣ соединиться снова и дѣйствительно работать *дальше*. Когда же спрашивали офицера, почему натруль позволяетъ громить и разрушать, онъ отвѣчалъ: „мы должны ходить только для парада, вмѣшиваться намъ запрещено, не приказано“. Полиція тоже не мѣшала работать.

Что еще писать? Пожалуй, нѣсколько отдѣльныхъ сценъ. Толпа въ 4 часа дня, усталая, подходитъ къ углу Николаевской и Мининовскаго переулка. Одна дама въ шляпѣ, съ прилично одѣтымъ господиномъ, обращается къ одному изъ участниковъ съ вопросомъ: „что, Павликъ, работаешь? Но вотъ гдѣ нужно работать, тутъ два милліона (указываетъ при этомъ на домъ Перельмутера), а тутъ жидовская типографія Шліомовича, ничего, жидовъ много, отстроятся снова“. Толпа начинаетъ рвать и вырываетъ деревянныя двери въ типографіи, дальше наталкивается на желѣзныя двери и отъ усталости не можетъ совладѣть съ ними; тогда деревянная дверь ломается тутъ же на куски, стаскивается еврейская женщина съ извозчика, который въ эту минуту проѣзжаетъ, и ее начинаютъ буквально истирать и топтать ногами. Наконецъ, подходитъ патруль, и съ окрикомъ „расходись!“ гонитъ дальше ту же толпу. Вотъ еще сцена. Толпа врывается въ еврейскую лавку бакалейщика и начинаетъ все разрушать. Какой-то сердобольный попъ подходитъ и начинаетъ просить толпу не трогать этой лавочки; ему отвѣчаетъ какой-то господинъ: „да не волнуйтесь, батюшка, вѣдь это только жидовъ бьютъ!“ Въ то время, какъ часть толпы била и разрушала, другая часть старалась что-нибудь захватить и унести. Женщины, похожія на горничныхъ и вообще прислугу, одѣвались въ мантильи-гейши и уходили; тащили также платки, бѣлье, серебро, бриллианты изъ еврейскихъ домовъ и уносили. Не безъ грѣха осталась и полиція въ смыслѣ утайки чужой собственности.

Втеченіе цѣлаго *понедѣльника*, когда происходили погромы, еврен- неоднократно обращались къ губернатору за помощью. Но помощь была дана, когда уже треть евр. домовъ была разграблена. Съ 6 часовъ утра вторника городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Повсюду войска въ полной военной аммуниціи, и съ этого момента погромы прекратились. Городъ до сихъ поръ на военномъ положеніи. Разграбленныя улицы представляютъ одну груду щепокъ, квартиры зіяютъ своими дырами вмѣсто оконъ и дверей. Масса бездомныхъ и безприютныхъ. Сняты пока нѣсколько залъ для помѣщенія этихъ безприютныхъ. Вотъ и все, больше писать не могу, у меня какой-то хаосъ въ головѣ...

Другое письмо изъ Кишинева отъ 16-го апрѣля.

О погромѣ въ городѣ циркулировали слухи задолго до Пасхи. Я лично не придавалъ этимъ слухамъ никакого значенія и считалъ погромъ невозможнымъ. Я и теперь убѣжденъ, что еслибъ не полиція и войска, погромъ былъ бы немыслимъ; но именно этого послѣдняго обстоятельства я не принималъ во вниманіе... Благодаря присутствію военнаго доктора, нашъ домъ уцѣлѣлъ. Но что же дѣлалось во дворѣ, населенномъ почти одними евреями? Всѣ высыпали на дворъ, ходили взадъ и впередъ, тревожно съ минуты на минуту ожидая нападенія; начали сносить имущество въ погребъ и сараи, или переносили его къ живущимъ во дворѣ русскимъ; особенная тревога ощущалась ночью, весь дворъ не спалъ, всѣ собирались въ одну комнату и бодрствовали цѣлыя ночи, женщины и дѣти плакали, ломали въ ужасѣ руки. Тревога и паника усиливались по мѣрѣ того, какъ до насъ доходили свѣдѣнія, что весь разбой совершался на глазахъ у полиціи и натруля; слѣдовательно, неоткуда ждать защиты и все населеніе оставлено на произволъ судьбы. Надо Вамъ сказать, что о насиліяхъ надъ людьми мы узнали только въ концѣ второго дня, когда одинъ прибѣжалъ сказать, что въ больницу привезли раненыхъ. Объяснялся это тѣмъ, что убійства происходили, главнымъ образомъ, на окраинахъ города. Только тогда, когда мы поспѣшили въ больницу предложить свои услуги, страшная картина развернулась во всей своей потрясающей наготѣ. Больничныя палаты, коридоры, пріемныя были наполнены ранеными съ семействами, маленькими грудными дѣтьми, а полъ „мертвецкой“ былъ усѣянъ свыше 30 трупами. Трупы были обезображены, ихъ одежда была покрыта перьями и пухомъ... Словомъ, это были плачъ и стонъ, это было огромное горе, которое не поддается абсолютно никакому описанію. Тотъ, кто не былъ свидѣтелемъ всего этого, кто не пережилъ тѣхъ дней, изъ описаній получаетъ одно лишь приблизительное и блѣдное представленіе. Люди, должно быть, будутъ читать обо всемъ этомъ приблизительно такъ же, какъ мы читаемъ о турецкихъ звѣрствахъ въ Македоніи. Это событіе застраховало меня навсегда отъ необходимости чѣмъ либо возмущаться. Ничего въ такой степени возмутительнаго, полагаю, уже не произойдетъ. Звѣрства, конечно, будутъ, войны также, но *я разумѣю обстановку*, при которой все это произошло: полиція, войско, чиновничество, учащіеся, лица либеральныхъ профессій и, наконецъ, темная, невѣжественная масса подали другъ другу руки и „имѣютъ двинулись впередъ“. Это была круговая порука цинизма, грубаго и жестокаго, общественной деморализаціи, низости и паденія.

Былъ ли организованъ погромъ? Несомнѣнно, да. Но какимъ образомъ это произошло — неизвѣстно. Есть основаніе предполагать, что въ предварительной организаціи погрома принимала участіе полиція. Во всякомъ случаѣ, она знала заранѣе о могущихъ произойти событіяхъ. И всѣ ужасы, всѣ звѣрства и убійства совершались на глазахъ приставовъ, околоточныхъ, солдатъ. Помощникъ пристава Добросельскій, на глазахъ котораго толпа убила старика еврея, крикнулъ толпѣ: „Убейте его сына“; сынъ случайно спасся и лежитъ теперь въ больницѣ. Арестованъ помощникъ пристава, у котораго нашли много золотыхъ вещей.

Несомнѣнно, дѣло приняло теперь очень громкій характеръ; полиція и слѣдователи ведутъ слѣдствіе; изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы замазать его постолку, поскольку въ немъ замѣшаны полиція и чиновничество. Да и могутъ-ли мѣстные судебные слѣдователи сколько нибудь безпристрастно вести слѣдствіе, когда всѣ они тоже антисемиты. Вотъ какъ они обращаются къ потерпѣвшимъ евреямъ: „Ну, жидовская морда, что ты скажешь“, или „Есть у тебя христіанскіе свидѣтели, хорошо, а нѣтъ — ступай“. Одинъ судебный слѣдователь постоянный сотрудникъ „Бессарабца“; слѣдователи ни за что не вносятъ въ протоколы фактовъ, могущихъ скомпрометировать полицію.

Сейчасъ же послѣ погрома появилось возваніе дамскаго комитета Красн. Креста съ приглашеніемъ жертвовать въ пользу евреевъ. Дамскій комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ жены вице-губернатора, — это тѣ же закалтые антисемиты, которые заглебывались отъ восторга Крушеваномъ и которые могутъ быть названы настоящими виновниками погрома; въ своемъ лицемѣрномъ возваніи они обрушиваются съ упрекомъ на ту массу, которую они сами же науськивали. И вотъ, вмѣсто того, чтобы съ негодованіемъ отвергнуть помощь со стороны всѣхъ этихъ негодяевъ, евреи сами же поддерживаютъ этотъ гнусный „дамскій комитетъ“ матеріально. „Бессарабецъ“ имѣлъ наглость пожертвовать 50 руб. въ пользу евреевъ, но ему вернули ихъ обратно.

Приведу нѣсколько фактовъ: каждый изъ нихъ дополняетъ картину различныхъ моментовъ происшедшаго погрома.

Вчера нашли одного ребенка въ печкѣ убитымъ. На 108-ой верстѣ отъ Кишинева въ ящикѣ нашли законопаченнымъ трупъ еврея. У него оказались отрѣзанными губы и языкъ, которые нашли у него въ карманѣ. Одинъ кузнецъ еврей случайно встрѣтилъ на улицѣ молодца, который убилъ трехъ евреевъ; онъ сейчасъ же заочкилъ въ участокъ и заявилъ помощнику пристава: „Арестуйте такого-то и такого-то“. „У насъ мѣста ужъ нѣтъ, куда ихъ сажать; берите его себѣ, если вамъ хочется“ былъ отвѣтъ. Этотъ молодецъ до сихъ поръ разгуливаетъ, быть можетъ, на свободѣ.

Забылъ сказать, что пока извѣстно о 20 случаяхъ изнасилованія дѣвушекъ и женщинъ. 3-го дня умерла въ больницѣ 12-тилѣтняя дѣвочка, изнасилованная. Предполагаютъ, что количество изнасилованныхъ гораздо больше, т. к. пострадавшія скрываютъ. Мнѣ также извѣстно, что одна дѣвушка, когда ей принесли карболовой кислоты, для того, чтобы отравиться въ случаѣ, если бы ее вздумали подвергнуть изнасилованію.

Ворвались въ одну семью, состоящую изъ старухи, замужней дочери и дѣтей. На нихъ набросились, били, кусали. Это было поздно. Несчастная мать спятила ребенка и почти голая въ отчаянномъ ужасѣ побѣжала по улицѣ искать спасенія. Она забѣжала въ первый попавшійся полицейскій участокъ: но передъ ея носомъ захлопнули дверь и вытолкнули ее. Я могъ бы писать безъ конца.

Въ одномъ изъ номеровъ „Бессарабца“ помѣщена статья подъ заглавіемъ „Жертвы стихіи“ за подписью Вич. (это и есть тотъ самый судебный слѣдователь). „Есть, говоритъ онъ, научная теорія, по которой земледѣльцы ставятся въ связь съ увеличеніемъ числа и размѣровъ пятенъ на солнцѣ:.. Нельзя ли поставить въ связь съ ними, (т. е. съ солнечными пятнами) и стихійныя явленія изъ жизни народовъ, *въ родѣ, напримѣръ, послѣдняго погрома*. Такое предположеніе не будетъ слишкомъ смѣло“, говоритъ эта наглая газета.

Какая простая философія! Погромъ произошелъ подъ вліяніемъ какихъ то солнечныхъ пятенъ! Ужъ, конечно, совершенно излишни были какія нибудь мѣры со стороны властей: противъ солнечныхъ пятенъ вѣдь ничего не подѣлаешь. Но я думаю, что если ужъ говорить о пятнахъ, то не о солнечныхъ, а о болѣе близкихъ къ намъ; такимъ, напримѣръ, пятномъ является „Бессарабецъ“ съ его позорной кликой на фонѣ Бессарабіи.

Въ екатеринославской газетѣ „Вѣстникъ Юга“ отъ 13/IV есть передовая статья по поводу кишиневскаго погрома, въ которой дается достаточная оцѣнка Крушеванy. „Кровью кишиневскихъ жертвъ обрызганы листки Крушеванской печати, съ которыхъ не перестаетъ звучать дикая травля“, говорится тамъ.

Въ письмѣ отъ 9 апрѣля разсказывается:

Въ понедѣльникъ 7 апр. утромъ начался настоящій разгромъ, начали въ нѣсколькихъ частяхъ города сразу, кучками по 15-20 человѣкъ. Врывались въ еврейскіе дома, грабили, убивали; убивали матерей, защищавшихъ своихъ дѣтей, а дѣтей бросали въ окно третьяго этажа. Предводительствовали толпой нотаріусъ Писаржевскій и сынъ бессарабскаго богача Синадино: они начали ѣздить по еврейскимъ домамъ и указывали квартиры тѣхъ христіанъ, которые прятали еврейскія семьи. Этихъ русскихъ тоже обыкновенно убивала. На этомъ основаніи администрація Кишинева говоритъ, что громили не однихъ евреевъ; но въ сущности это была настоящая рѣзня евреевъ среди бѣла дня. Съ конокъ скидывали людей съ еврейскими лицами и тутъ же убивали. Евреи въ паникѣ бѣжали въ городъ, но ихъ ловили на улицѣ и убивали, нѣкоторымъ же удавалось достичь вокзала, они уѣзжали въ Одессу. Въ Одессу прибывали цѣлые поѣзда полураздѣтыхъ евреевъ, не ѣвшихъ по 2-3 дня. Между прочимъ, ихъ не пускали на курьерскіе поѣзда и въ кассѣ отвѣчали, что это дѣлается по распоряженію полиціи. Интересно поведеніе губернатора въ тотъ день, т. е. понедѣльникъ. Онъ отвѣтилъ еврейской депутаціи, что онъ ничего подѣлать не можетъ, пусть защищаются сами; тогда мясники и биндюжники (самые сильные изъ евреевъ) устроили защиту на Новомъ Базарѣ и, конечно, разогнали толпу по переулкамъ и разсѣяли ее въ нѣсколько минутъ; тогда Думскій (приставъ, извѣстный мерзавецъ и взяточникъ, который, между прочимъ, получалъ у кишиневскихъ богатыхъ евреевъ въ тѣ дни за охрану имущества отъ погрома 100, 200 и 300 руб. въ день; такъ напр. у милліонера Г.) крикнулъ евреямъ разойтись, а то онъ стрѣлять будетъ, а разсѣянную русскую толпу буйновъ городовые и надзиратели, не скрываясь, снова собирали изъ переулковъ. Въ грабежѣ участвовали солдаты и офицеры. При разгромѣ одного большого мануфактурнаго магазина офицерскія жены выбирали себѣ куски матеріи и кричали солдатамъ „стой, не поливай“, такъ какъ громилы поливали товаръ керосиномъ. На Александровской улицѣ большой магазинъ золотыхъ и серебряныхъ вещей: хозяинъ его увидѣлъ изъ окна, что офицеръ и надзиратели наполняли свои карманы его драгоцѣнностями, выстрѣлилъ и убѣжалъ на мѣстѣ офицера; его тотчасъ же арестовали. Городской голова, Шмидтъ, скрывалъ у себя больше десяти семействъ евреевъ. Когда онъ попробовалъ увѣщевать толпу, то его чуть не разорвали. Когда предводитель дворянства Крупенскій обратился къ губернатору за разъясненіемъ насчетъ бездѣйствія полиціи, фонъ-Рабенъ отвѣтилъ, что его (т. е. Крупенскаго) молъ не трогаютъ, а что касается распоряженій полиціи, то это его дѣло. Крупенскій рѣшилъ телеграфировать въ министерство внѣ. дѣлъ, но на кишиневской почтѣ не приняли телеграммы безъ разрѣшенія губернатора, а она была, наконецъ, отправлена лишь изъ Бендеръ (1 часъ ѣзды отъ Кишинева).

Къ тому моменту, когда пришло распоряженіе объявить Кишиневъ на военномъ положеніи и приказать стрѣлять, полиція уже заблаговременно усмирила все. Когда пріѣхалъ прокуроръ, губернаторъ повезъ его вокругъ своего дома, чтобъ доказать, что „жиды мутятъ“, что въ сущности погрома не было. Явившійся къ нему, т. е. прокурору, еврейскій депутація, онъ такъ и сказалъ, что евреи надѣлали шуму на всю Россію, между тѣмъ какъ ничего почти не произошло, но депутаты упросили его отправиться съ ними по Кишиневу, и тогда только онъ узналъ обо всемъ.

Пока, т. е. до среды, насчитывалось до ста убитыхъ и 480 раненыхъ, изъ которыхъ ежедневно многіе умираютъ. Многіе не нашли еще до сихъ поръ своихъ дѣтей, такъ какъ послѣдніе въ ужасѣ прятались въ погребъ, въ бочки и, вѣроятно, умерли уже тамъ отъ голода. Родные не узнаютъ труповъ, такъ они изуродованы. Какъ одному богатому еврею В. ворвалась толпа, нашла его въ каморкѣ, где онъ спрятался, потребовала деньги, онъ отдалъ ей нѣсколько тысячъ, затѣмъ его изуродовали сѣчкой, вырѣзали языкъ, затѣмъ убили, а сынъ его сошелъ съ ума.

Между прочимъ, губернаторъ и полицеймейстеръ будутъ смѣщены: должно быть, пересолили, а у приставовъ и надзирателей производили обыски, и у тѣхъ, у кого находили награбленнаго зо-

---

Пролетаріатъ и крестьянство.

V. *Пролетаріатъ и крестьянство на западѣ.*

(Окончаніе.)

Оппортюнисты западноевропейскаго соціализма, такъ называемые *критики Маркса*, много пишутъ и говорятъ теперь о *сельско-хозяйственной коопераціи*. Они видятъ въ ней путь, по которому сельское населеніе можетъ придти къ *соціализму*, минуя *капиталистическую фазу*. Въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ путь имѣетъ то преимущество, что, выступивъ на него, сельское населеніе избѣжитъ не только *капитализма*, но также и *классовой борьбы*, которая *будетъ замѣнена союзомъ классовъ**). Эта неожиданная для насъ перспектива настолько интересна, что мы считаемъ не лишнимъ остановиться на вопросѣ о названной коопераціи.

Извѣстно, что между всѣми товариществами первое мѣсто по численности и по величинѣ оборотовъ почти всегда занимаютъ *кредитныя товарищества*. Такъ, напримѣръ, изъ 15054 товариществъ, числившихся въ Германіи къ 1-му іюля 1901 г. было:

Кредитныхъ	10487
Товариществъ для совмѣстной закупки . . .	1294
Молочныхъ товариществъ	2047
Прочихъ	1206

Оборотъ кредитныхъ товаръ. равняется приблизительно 2.000.000 мар. У русскаго читателя, сочувствующаго всякимъ „*ассоціаціямъ*“ и знающаго, какъ плохо идетъ ихъ дѣло у насъ, отечествѣ, при видѣ этой цифры можетъ произойти даже легкое головокруженіе. Ее во всякомъ случаѣ нельзя не признать весьма почтенной. Но каковы могутъ быть *экономическія послѣдствія* развитія кредитныхъ товариществъ въ деревнѣ?

Товарищества этого рода очень облегчаютъ крестьянину дѣло совершенія *займовъ*, безъ которыхъ ему часто совсѣмъ нельзя обойтись въ своемъ хозяйствѣ. Нуждой крестьянина въ деньгахъ часто пользуется *ростовщикъ*, высасывающій изъ него послѣдніе соки. Деревенское ростовщичество представляетъ собою далеко не новое явленіе. Напрасно... — по замѣчанію Маркса, — ростовщическій капиталъ *предшествуетъ* вмѣстѣ со своимъ близнецомъ — торговымъ капиталомъ, *къ дополнительнымъ формамъ капитала*, возникающимъ задолго до появленія капиталистическаго способа производства и встрѣчающимся въ различныхъ экономическихъ формаціяхъ**). Но эта старинная форма отличается чрезвычайной живучестью. Наслѣдованіе, сдѣланное въ 1887 г. по почину *„Союза для соціальной политики“*, — показало, что ростовщикъ очень хорошо чувствовалъ себя даже въ современной германской деревнѣ. Мы не думаемъ, конечно, что теперь его царство въ нѣмецкой деревнѣ окончилось; но мы полагаемъ, что его власть была поколеблена распространеніемъ сельскихъ кредитныхъ товариществъ. И чѣмъ больше станетъ возникать такихъ товариществъ, тѣмъ легче будетъ нѣмецкому крестьянину *избѣгнуть сѣтей ростовщика*. Въ этомъ смыслѣ значеніе кредитныхъ товариществъ очень существенно. Но это ихъ плодотворное значеніе вовсе не дѣлаетъ ихъ ихъ мѣста, по которому крестьяне могли бы перейти изъ соціализмъ, минуя капиталистическія отношенія производства.

Какъ клинетъ ростовщическій капиталъ *на экономику деревни? Онъ закрѣпощаетъ ея развитіе*. Онъ разоряетъ и порабощаетъ себѣ *производителей*, но онъ не измѣняетъ *способа производства*. Этотъ способъ остается неизмѣннымъ; вліяніе ростовщика сказывается лишь въ томъ, что производительный процессъ совершается при условіяхъ все менѣе и менѣе благопріятныхъ для производителей. Поэтому устраненіе ростовщика изъ деревни значитъ *открыть для нея путь не значитъ помѣшать* вторженію въ нее капитализма. Наоборотъ, чѣмъ скорѣе пойдетъ она по этому пути, тѣмъ скорѣе развьются въ ней капиталистическія отношенія. Устраненіе *отжитой формы* капитала приведетъ къ расцвѣту его *новѣйшей формы*.

Мы видимъ отсюда, что сельскіе кредитные товарищества не способны содѣйствовать появленію тѣхъ *„ячеекъ“*, изъ которыхъ, по словамъ „критиковъ“ слагается соціалистическое общество. *Если они приведутъ къ соціализму, то не иначе, какъ черезъ капитализмъ* и путемъ *борьбы классовъ*. Пойдемъ далѣе.

Во многихъ государствахъ Западной Европы начинаютъ играть довольно значительную роль товарищества для закупки необходимыхъ земледѣльцу матеріаловъ и орудій, а также для сбыта продуктовъ земледѣлія. Въ Германіи общая сумма оборота такихъ товариществъ доходила въ 1900 г. до 100 милліоновъ. Это, конечно, далеко не то, что мы видѣли въ кредитныхъ товариществахъ, но и это — уже не маленькая цифра. Надо замѣтить еще, что въ будущемъ этимъ товариществамъ, очевидно, предстоитъ еще очень широкое развитіе. *Близнецы* ростовщиковъ, — *торговцы*, — интересамъ которыхъ угрожаютъ эти товарищества, уже теперь приходятъ по нихъ поводу въ большое волненіе и стараются остановить ихъ успѣхи. Торговцы по своему совершенно правы. Этотъ видъ товариществъ можетъ нанести значительный ущербъ интересамъ *торговаго капитала*, значительно ограничивъ область его приложенія**). Но и ограниченіе области приложенія *торговаго капитала* не равносильно устраненію *капитализма*. Совсѣмъ нѣтъ. Лишая посредниковъ той роли, которую они играли до сихъ поръ въ сношеніяхъ между производителями указанныхъ выше предметовъ и ихъ потребителями, кооперація содѣйствуетъ уменьшенію численности *средняго класса* и тѣмъ самымъ расширяетъ пропасть между крупной буржуазіей съ одной стороны и пролетаріатомъ съ другой. Правда, исчезновеніе посредниковъ - торговцевъ можетъ быть возмѣщено ростомъ благосостоянія нѣкоторой *части крестьянства*, которая перейдетъ въ ряды *средней буржуазіи*. Но такой переходъ будетъ означать *сліяніе* крестьянской массы, которое по готовитъ *проникновеніе въ деревню капиталистическихъ отношеній производства и связанной съ ними борьбы классовъ*, а это вредъ-ли можетъ быть признано наименьшимъ путемъ избѣжанія капитализма и классовой борьбы.

Къ этому надо прибавить, что въ товарищества разсматриваемаго вида соединяются и могутъ соединяться исключительно *самостоятельные производители*. *Наемному труду* въ нихъ нечего дѣлать, и потому *сельскіе батраки* не принимаютъ въ нихъ никакого участія. Въ Кіо совершенно справедливо замѣчаетъ, что солидарность, связывающая ихъ членовъ другъ съ другомъ, есть *солидарность собственниковъ*, и что такая солидарность не представляетъ собою чего либо свойственнаго одному *земледѣльческому* населенію: она не менѣе часто встрѣчается и въ *промышленности***).

Значитъ, мы здѣсь вынуждены сдѣлать выводъ, уже сдѣланный нами выше: *если кооперативныя товарищества приведутъ впередъ къ соціализму, то они совершатъ это не иначе, какъ черезъ капитализмъ и путемъ борьбы классовъ*. Пойдемъ далѣе.

А *производительныя* товарищества? Говоря о нихъ, надо прежде всего помнить, что *собственно въ земледѣліи* они въ настоящее время чрезвычайно рѣдки, вслѣдствіе чего даже самые убѣжденные сторонники „кооперативнаго принципа“ не возлагаютъ на нихъ почти никакихъ надеждъ или даже относятся къ нимъ сознательно отрицательно***). Несравненно большее значеніе имѣ-

---

*) См. Die moderne Agrarfrage, von Dr. A. Nossig. Berlin — Bern 1902, стр. 480 и многія другія.

*) Das Kapital, III. 2. 132.

*) См. интересную книгу Эли Кэпо: Le mouvement syndical et coopératif dans l'agriculture française. Montpellier 1898.

**) Ibid. соч., стр. 60.

***) Такъ, Даніельсъ въ своей недавно вышедшей книгѣ „Sozialismus und Landwirtschaft“ высказываетъ (стр. 700) ту мысль, что

зота и серебра (а такихъ было много), арестовывали. Изъ Одессы взяли нѣсколько кандидатовъ на судебн. должн. для допроса болѣе тысячи свидѣтелей.

Тѣ же буяновъ, которыхъ арестовали, заявляютъ при допросѣ: „полиція послала, обѣщала намъ все, что мы хотѣли, и „работу" и „защиту", и „хлѣбъ", а теперь насъ же сажаютъ въ кутузку.

Между прочимъ, Крушеванъ (редакторъ „Бессарабца"), который дѣятельно помогаетъ фонъ-Плеве въ его новой тактикѣ, запечатавъ свои гастроли въ Кишиневѣ и переѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ предполагаетъ издавать газету „Истина".

Переходимъ къ разсказамъ людей, пріѣхавшихъ въ Кишиневъ 10-11 апрѣля при первыхъ извѣстіяхъ о погромѣ: „Я отправился, пишетъ одинъ, къ моимъ родственникамъ, но засталъ опустошенный домъ... Гдѣ обитатели этого дома, я такъ-таки и не могъ узнать по той простой причинѣ, что сосѣдніе дома также опустошены и имѣютъ такой же ужасный видъ." Не найдя также знакомыхъ, авторъ отправился бродить по разгромленному городу. „Проходя по страшно опустошенной мѣстности, я на разстояніи нѣсколькихъ кварталовъ не насчиталъ *ни единаго* человѣческаго кила: все было пусто, страшно пусто съ зіяющими рамами въ домахъ... Въ городѣ, обыкновенно оживленномъ, теперь — рѣдкіе прохожіе, по большей части, раненые и частые патрули драгунъ и піхоты. Не знаю только, кого и что они охраняютъ." Возставшихъ изъ разсказовъ картину ужасныхъ убійствъ 7-го апрѣля, авторъ добавляетъ, что „еще и теперь, три дня послѣ этого, находятъ трупы въ клозетахъ, ямахъ и погребахъ." Въ согласіи со всѣми корреспондентами, онъ констатируетъ, что по общему свидѣтельству именно полиція поражала самозащиту евреевъ и руководила убійцами. Въ тѣхъ рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ ея не было, „евреи защищались и очень успѣшно, а въ присутствіи полиціи они не смѣли и думать о самозащитѣ. Каждую собравшуюся кучу евреевъ она разгоняла или арестовывала. Какъ только было разрушено все, охранявшая полиція отгоняла или вѣрнѣе приглашала руководимыхъ ею звѣрей на другое мѣсто. При осмотрѣ опустошенныхъ домовъ сразу замѣтно, что тутъ дѣйствовали не боясь и не стѣсняясь временемъ, на что указываетъ тщательность отдѣлки и удивительная аккуратность въ ограбленіи исключительно еврейск. домовъ." Начавшееся слѣдствіе побуждаетъ полицію къ новымъ мерзостямъ: „Она ходитъ по домамъ и проситъ не обвинять ее, деликатно намекая на то, что въ противномъ случаѣ представитъ протоколы въ нежелательномъ для свидѣтелей смыслѣ. Нѣкоторые евреи дѣйствительно пугаются этой угрозы..." „Тщательность отдѣлки", „чистоту работы" громилъ констатируетъ и другой корреспондентъ, пріѣхавшій въ Кишиневъ 10-го апр. Только безъ всякой помѣхи и подъ охраной полиціи небольшая кучка озвѣрѣвшихъ громилъ могла совершить въ короткое время такую работу. Всѣ мнѣнія сводятся къ тому, говоритъ корреспондентъ, что достаточно было бы десять вооруженныхъ людей, чтобы положить конецъ всѣмъ звѣрствамъ и разрушенію, и онъ не былъ положенъ лишь благодаря полиціи. „Любопытнѣе всего то, что почти всѣ арестованные въ одинъ голосъ заявляютъ, что они не виновны, полиція имъ „вѣритъ" и заявляетъ они это въ глаза полицейскимъ чинамъ." Это подтверждается и въ другихъ письмахъ и корреспонденціяхъ: арестованные громилы утверждаютъ, что сама полиція предложила имъ эту „работу" и обѣщала „охрану". Корреспонденту случайно попасть на кладбище въ тотъ моментъ, когда трупы замученныхъ лежали открытыми, такъ какъ ихъ фотографировали. „Нужны, говоритъ онъ, сильнѣйшіе нервы, чтобы это выдержать... Я видѣлъ среди убитыхъ старика, разорваннаго надвое, у одной женщины животъ распоротъ и внутренности вывалиются. Девятимѣсячный ребенокъ лежитъ съ раздробленной головой рядомъ съ матерью, у которой вырванъ языкъ и отрѣзаны груди..." Мы не продолжаемъ ужасныхъ перечисленій...

Кишиневская полиція перестаралась. Ужасы вышли слишкомъ поражающими и неслыханными. Правительство спохватилось и уже начинаетъ умывать руки. Полиція Кишинева „устранена" отъ исполненія своихъ *обязанностей*" и нѣсколько полицейскихъ чиновъ арестовано. Но уже поздно. Ничто уже не поможетъ Плеве и его „охранительной партіи" отмыться отъ своего преступленія. Вся совокупность обстоятельствъ этого преступленія слишкомъ очевидно свидѣтельствуетъ о томъ, что оно задумано, подготовлено и пущено въ ходъ, какъ одно изъ средствъ сохраненія самодержавія. Полиція перестаралась, средство вышло слишкомъ сильнымъ и пациенту отъ него не поздоровится, но дѣло сдѣлано и его не вычеркнешь. Адскія муки безащитныхъ людей, вырванные языки, раздробленныя головки дѣтей, вырѣзанныя груди уже неотдѣлимо срослись съ самодержаніемъ. Теперь ужъ не поможетъ никакая ложь и никакія мѣры. Такіе бьющіе по нервамъ ужасы по самой природѣ своей не могутъ не пріобрѣсти всемірной извѣстности, не могутъ не врѣзаться въ память всѣхъ и каждаго.

ВРЕМЕНА МѢНЯЮТСЯ.

Теперь, когда кровавыя Кишиневскія событія поставили передъ нами на очередь чрезвычайно важный практическій вопросъ о томъ, какъ противодѣйствовать „анти-еврейскимъ безпорядкамъ", не безполезно будетъ вспомнить, что въ 1881 г., почти на всемъ Югѣ Россіи происходили еврейскіе погромы, не только принесшіе съ собой много совершенно незаслуженнаго и ненужнаго горя множеству еврейскихъ семействъ, но и способствовавшіе возникновенію *національныхъ предразсудковъ* даже въ такихъ слояхъ нашего населенія, которыхъ прежде они были совершенно чужды. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что *экономическія послѣдствія еврейскихъ погромовъ 1881 г. не переставали вредить нашему соціалистическому движенію въ теченіе всего послѣдняго двадцатилѣтія.* Уже одного этого, — помимо естественныхъ и неизбѣжныхъ побужденій гуманности, которыя у соціалистовъ должны быть гораздо сильнѣе, чѣмъ у людей „стараго міра", — было достаточно для того, чтобы наша партія сдѣлала рѣшительно все зависящее отъ нея для борьбы съ антисемитическими „громилами."

Кишиневскій погромъ былъ организованъ мѣстными юдофобами при любезномъ участіи полиціи. Бацилы антисемитизма усердно культивируются въ полицейскихъ участкахъ. Правительство, очевидно, хочетъ повторить пріемъ 1881 года, когда оно остановило начинавшееся революціонное броженіе въ народѣ, *своевременно открывъ предохранительный клапанъ еврейскихъ погромовъ.* Но двадцать два года, протекшихъ съ тѣхъ поръ, чрезвычайно измѣнили положеніе дѣлъ. Теперь въ русскомъ рабочемъ классѣ есть уже несравненно большіе сознательные элементовъ, чѣмъ было ихъ то время. Эти сознательные элементы съумѣютъ дать рѣшительный отпоръ нашимъ антисемитамъ.

Въ борьбѣ со стихійными движеніями, подобными еврейскимъ погромамъ, нѣкоторую энергичныхъ и сознательныхъ революціонеровъ могутъ сдѣлать чрезвычайно много. Во время ростовскихъ безпорядковъ 1879 г. толпа, возбужденная и раздраженная дракой съ полицейскими, проходила мимо синагоги. Мальчики стали кидать камешки въ ея окна. Неизвѣстно, что произошло бы дальше, если бы изъ толпы не раздались голоса, рѣшительно протестовавшіе противъ этого и *звавшіе бить полицію.* Толпа послушалась этихъ голосовъ и дала полиціи такой превосходный урокъ, котораго та долго не забывала: нѣсколько полицейскихъ частей подверглось жестокому опустошенію. *Это хорошій примѣръ для подражанія.*

Не знаемъ, обратили-ли наши читатели вниманіе на тотъ фактъ, сообщенный нашими „легальными" газетами, что въ то самое время, когда въ Кишиневѣ происходилъ еврейскій погромъ, въ Житомирѣ толпа едва не избила четырехъ *китайцевъ,* служившихъ въ мѣстномъ циркѣ и вышедшихъ посмотрѣть на праздничное гулянье. Зачѣмъ ей понадобилось бить китайцевъ? Очевидно, только затѣмъ, чтобы дать исходъ смутному недовольству, вызываемому тяжелыми условіями жизни, но еще не осѣзнаннному *революціоннымъ сознаніемъ.* Когда полиція замѣтитъ, что въ массѣ накопилось много такого недовольства, она, естественно, постарается отвратить его отъ себя и направить противъ „жидовъ", татаръ, армянъ, китайцевъ, словомъ, противъ первыхъ встрѣчныхъ иностранцевъ или инородцевъ. Мы должны мѣшать ей открывать этотъ предохранительный клапанъ. На крики: *„бей жидовъ!"* или другихъ инородцевъ) мы должны отвѣчать криками: *„бей полицію!"* Настроеніе массы теперь таково, что эти крики не останутся безъ сочувственнаго отзыва; намъ кажется, что житомирская толпа, собиравшаяся бить китайцевъ, очень охотно поколотила бы полицію.

Правительство играетъ очень опасную для него игру. Оно забыло, что теперь и пролетаріатъ уже не тотъ, да не тѣ и соціалисты. Въ 1881 г. фракція, господствовавшая въ нашемъ революціонномъ движеніи, *еще не стояла на точкѣ зрѣнія современнаго соціализма и потому не сумѣла правильно отнестись къ еврейскимъ погромамъ.* Она приняла ихъ за *начало соціальной революціи.* Это ясно видно изъ ея тогдашнихъ изданій.

Во внутреннемъ обозрѣніи № 6-го газеты *„Народная Воля"* *) еврейскимъ погромамъ было отведено значительное мѣсто. Но словамъ обозрѣвателя, во всей Россіи народъ начинаетъ сознавать, что онъ довольно уже терпѣлъ, но пока это сознаніе проявляется лишь спорадически. „Только на югѣ, прежде чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, народное недовольство стало выражаться массовымъ революціоннымъ движеніемъ, получившимъ, въ силу мѣстныхъ условій, анти-еврейскій оттѣнокъ." Далѣе мы читаемъ, что въ настоящее время помѣщики, „какъ владѣющій классъ", являются на югѣ Россіи чѣмъ-то совершенно уже отжившимъ, и что народъ уже не принимаетъ ихъ во вниманіе, относясь къ нимъ скорѣе сочувственно, чѣмъ враждебно. „Все вниманіе обороняющагося народа, продолжаетъ обозрѣватель, сосредоточено теперь на кулакахъ, шинкаряхъ, ростовщикахъ, словомъ на сверхъ. Этой мѣстной буржуазіи, поскѣпкѣ и страстно, какъ нигдѣ, обирающей рабочій людъ.... Откровенный, почтя наивный цинизмъ евреевъ въ дѣлѣ обиранія не поддается описанію. Фигаро прошлаго вѣка (?) наивное былъ и менѣе смышленъ и болѣе совѣстливъ." Въ подтвержденіе своихъ словъ обозрѣватель ссылается на извѣстную реакціонную газету *„Кіевлянинъ"*, которая, конечно, не стѣснялся въ своихъ нападкахъ на евреевъ. Затѣмъ, приведя описаніе душу описанія „революціонныхъ" подвиговъ громилъ, обозрѣватель замѣчаетъ: „По поводу еврейскихъ погромовъ много интересовались роль, которую мы, соціалисты-революціонеры (sic), оставляемъ за собою въ подобныхъ народныхъ расправахъ. Во имя гуманности можемъ отвѣчать на это, но отвѣтъ скажемъ по себѣ весть. — Помните у Тэна одну сцену изъ французской революціи? Къ тупу эмиграціи, только что задушенной разъяренной толпой, бросается одинъ изъ убійцъ, распарываетъ ей грудь, вырываетъ сердце и въ наступленіи вливается въ него зубами. Потрясающія сцены. — Но нервами Робеспьеръ, Дантонъ, С. Жюстъ и Демуленъ, въ виду крайней разъяреннаго притѣсненіями народа, должны были отказаться отъ своей роли и своей обязанности въ исторіи Франціи?" Проявленія революціоннаго движенія зависятъ отъ міросозерцанія извѣстнаго класса или извѣстнаго общества, но результаты его обусловливаются степенью его сознательности, при чемъ направляющей силой является передовая, болѣе энергичная и болѣе сознательная революціонная группа. — Во Франціи, во время революціи, такой группой были якобинцы; въ Россіи ею является Исполнительный Комитетъ. Относится не только отрицательно, но даже индифферентно къ чисто-народному движенію мы не вправѣ; мы обязаны выражать общую формулу всѣхъ силъ, справедливо недовольныхъ и активно протестующихъ и сознательно направлять эти силы, удерживая при этомъ ихъ исходный пунктъ." — Эти строки сопровождаются подстрочнымъ примѣчаніемъ, въ которомъ говорится: „Авторъ здѣсь повторяетъ только взглядъ, высказанный Исполнительнымъ Комитетомъ въ прокламаціи къ Украинскому Народу, отъ 30 августа 1881 г." Этимъ примѣчаніемъ устраняются всѣ возможныя недоразумѣнія. *Приведенныя нами выписки на еврейскіе погромы не были взглядомъ какого нибудь отдѣльнаго народовольца; въ 1881 г. онъ былъ, такъ сказать, официальнымъ взглядомъ „Партіи Народной Воли."*

Прокламація же Исполнительнаго Комитета, на которую ссылается газета *„Народная Воля"*, есть та самая, о которой говоритъ Тунъ въ своей книгѣ (см. стр. 178 нашего изданія) и которая призываетъ украинцевъ „истить панамъ, грабить жидовъ и убивать чиновниковъ."

Мы не станемъ доказывать здѣсь, что наши „соціалисты-революціонеры" начала восьмидесятыхъ годовъ жестоко ошибались, воображая, будто анти-еврейскія движенія похожи на тотъ могучій революціонный варіантъ, который положилъ конецъ существованію „стараго порядка" во Франціи. Доказывать это значило бы обижать нынѣшняго читателя революціонныхъ изданій. Мы не станемъ и упрекать революціонныхъ дѣятелей прошлаго времени за эту ихъ жестокую ошибку: они уже сошли съ исторической сцены. Да мы не затѣмъ и отмѣтили ихъ ошибку, чтобы пускаться въ упреки. Мы только хотѣли сравнить прошлое съ настоящимъ и показать, *до какой степени нынѣшнее положеніе дѣлъ не похоже на то, которое существовало лѣтъ двадцать тому назадъ.* Теперь и пролетаріатъ совсѣмъ уже не тотъ, и соціалисты совсѣмъ другіе. Поэтому и пріемъ, удавшійся нашему правительству тогда, не удастся теперь. Времена мѣняются.

*) Этотъ № помѣченъ 23 октября 1881 г.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Златоустъ. Командированнымъ отъ О. К. спеціальнымъ лицомъ собраны слѣдующія данныя о Златоустовской бойнѣ.

До первыхъ чиселъ марта 1903 года Управленіе Златоустовскихъ Горныхъ Заводовъ руководствовалось при наймѣ рабочихъ правилами, редактированными согласно высочайшему манифесту 1861 года. Эти правила являлись для заводскихъ рабочихъ нѣкоторымъ Habeas Corpus: ими утверждались нѣкоторыя права и привилегіи заводского населенія, именно, рабочіе имѣли право на земельный надѣлъ; имъ разрѣшались сходки въ помѣщеніи завода для обсужденія ихъ текущихъ дѣлъ. Кромѣ того, этими правилами имѣлось въ обязанности заводской администраціи каждый разъ, когда вводятся измѣненія или дополненія въ условія найма, публиковать таковыя за 3 мѣсяца до вступленія ихъ въ силу, чтобы рабочіе, ознакомившись съ ними, могли въ случаѣ несогласія пріискать себѣ другую работу. На этотъ разъ поступили не такъ: 6 марта рабочимъ были выданы расчетныя книжки съ новыми условіями найма, выработанными на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 11 марта 1902 года. Выдавая эти книжки, Горный Начальникъ поставилъ условіемъ принять ихъ въ 3-хдневный срокъ. Новыя правила очень подробно предусматривали все, что касается *обязанностей* рабочихъ, но ни слова уже не говорилось объ ихъ *правахъ.* Получивъ эти книжки, рабочіе задумались. — „Эти книжки фальшивыя, рѣшили старики, — раньше правила были составлены по Высочайшему манифесту, а теперь о немъ и помину нѣтъ. Въ прежнихъ книжкахъ было написано все, на что мы имѣемъ право, а тутъ только о томъ говорится, на что мы *не* имѣемъ права". Молодежь согласилась съ стариками и усмотрѣла въ новыхъ правилахъ существенное нарушеніе правъ и привилегій заводского населенія, признанныхъ Манифестомъ 8 марта 1861 года. Рабочіе большого прокатнаго цеха рѣшили книжекъ не принимать, и въ субботу 8 марта всѣ три неработавшія смѣны заявили полицейскимъ чинамъ завода, что съ новыми условіями найма они не согласны и что съ понедѣльника они, вопреки приказу, будутъ работать на старыхъ условіяхъ. 8-го марта рабочіе отправились къ предсѣдателю заводского приказа Глазову съ просьбой ходатайствовать объ отмѣнѣ новыхъ правилъ и возстановленіи старыхъ. Глазовъ отвѣтилъ, что онъ ничего сдѣлать не можетъ, что онъ самъ ихъ не читалъ, что они составлены въ Петербургѣ, что онъ ихъ получилъ по телеграфу и что ихъ надо принять безусловно. Рабочіе ушли, но на другой день, 9 марта, они снова явились къ Глазову, который, видя ихъ рѣшимость, обѣщалъ телеграфировать въ Петербургъ. Рабочіе ушли, но 10 марта

явилъ. Предсѣдатель приказа по обыкновенію умылъ руки и посовѣтовалъ обратиться къ управляющему заводомъ. За поздними временемъ рабочіе мирно разошлись, но минуты не сомнѣвались, что новыя правила будутъ отклонены. 10-го марта, въ понедѣльникъ, они явились на заводъ, но нашли его со всѣхъ сторонъ запертымъ. Какъ выяснилось потомъ, управляющій заводомъ, опасаясь бунта и не имѣя подъ рукой военной силы, отдалъ распоряженіе заводъ запереть; а горный начальникъ Зеленцовъ телеграфировалъ Уфимскому губернатору, прося выслать войска для усмиренія рабочихъ. Утромъ 11 марта рабочіе всѣхъ смѣнъ и всѣхъ цеховъ собрались на сходку во дворѣ завода. Послѣ незначительныхъ дебатовъ рѣшено было снова идти къ начальнику приказа Глѣзову и просить защиты. Часть рабочихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отправилась къ исправнику съ тою же просьбой. Глѣзовъ, выйдя къ рабочимъ, сказалъ: „По распоряженію г. Начальника Главнаго Управленія Заводовъ, я предлагаю вамъ избрать изъ своей среды уполномоченныхъ для переговоровъ.“ Тотчасъ же были выбраны делегатами рабочіе Симоновъ и Филимошкинъ. Когда они явились къ Глѣзову, тотъ накричалъ на нихъ, обозвалъ бунтовщиками и отправилъ въ тюрьму. Въ среду 12-го марта вечеромъ въ Златоустъ съ экстреннымъ поѣздомъ прибылъ уфимскій губернаторъ Богдановичъ. Узнавъ объ участи делегатовъ, рабочіе опять направились къ Глѣзову и совершенно мирно спросили о причинѣ ареста ихъ выборныхъ. Онъ отвѣтилъ, что выборные арестованы жандармскимъ ротмистромъ Долговымъ. Тогда толпа направилась къ горному начальнику съ жалобой, какъ на Глѣзова, такъ и на Долгова. Все время настроеніе рабочихъ было мирное. Они совершенно не могли уяснить себѣ причины ареста ихъ выборныхъ, и ходили отъ горнаго начальника къ жандармскому ротмистру, отъ него къ исправнику, но ничего не добились. Вечеромъ 12-го они снова собрались передъ домомъ горнаго начальника и просили освободить делегатовъ. Ни угрозъ, ни дерзостей, ни вызывающихъ криковъ, ничего этого не было. Было видно только, что толпа ошеломлена поведеніемъ властей и сосредоточенно хочетъ уяснить себѣ ихъ поведеніе. Горный начальникъ, выслушавъ требованіе собравшихся, заявилъ имъ, что съ своей стороны онъ ничего сдѣлать не можетъ, все дѣло зависитъ отъ губернатора — и посовѣтовалъ обратиться къ нему. Тогда рабочіе потребовали губернатора и подали ему прошеніе, въ которомъ ходатайствовали: 1) о сохраненіи прежнихъ правилъ, редактированныхъ согласно Манифесту 1861 года и 2) объ освобожденіи выборныхъ товарищей. При появленіи губернатора толпа сняла шапки. Принявъ прошеніе, губернаторъ предложилъ толпѣ разойтись до утра. Толпа, совершенно мирно настроенная, тотчасъ начала расходиться. Утромъ 13-го къ четверть рабочіе снова стали стекаться къ дому горнаго начальника, гдѣ остановился губернаторъ и къ 9 часамъ заполнила площадь. Здѣсь было около 6 тысячъ человѣкъ. Пришли старые и малые. Собралось много посторонней, нерабочей публики. Около 10 ч. на крыльцѣ появился губернаторъ. При видѣ его вся масса, заполнившая площадь, сняла шапки и одинъ за другимъ, перебивая другъ друга, заговорили: „Ваше превосходительство, ради Божескую милость, отмѣните новыя правила. Оставьте насъ по Манифесту, не можемъ мы служить по новымъ правиламъ.“ — „Молчать — закричалъ Богдановичъ. Не могу я съ вами всѣми разговаривать. Выберите 3-4 потолковѣе и я поговорю съ ними!“ Стоявшій впереди рабочій закричалъ: Да мы, Ваше Превосходительство, уже выбрали уполномоченныхъ, да ихъ въ тюрьму садятъ. Губернаторъ бросился къ нему и схватилъ его за бороду — пойдемъ-ка, я поговорю съ тобой! — Ну нѣтъ. Ваше Превосх.. запротестовалъ рабочій, я еще не уполномоченный! Вмѣстѣ съ этимъ толпа моментально втянула его въ себя и онъ въ ней замѣшался. Губернаторъ снова потребовалъ уполномоченныхъ, крича, что ему дѣла нѣтъ до прежнихъ выборныхъ, потому что они избирались не по его требованію. Тотчасъ были выбраны Варгуновъ и Лоськовъ. Ихъ повели на заводъ, а оттуда въ тюрьму; черезъ нѣсколько минутъ прибѣжали ребятишки и закричали: — А вашихъ выборныхъ опять въ тюрьму отправили. Тогда въ толпѣ произошло движеніе. Послышался ропотъ. За что взяли уполномоченныхъ! Освободите! Сами же просили! Не хотимъ принимать новыхъ правилъ! Между тѣмъ войска уже выстроились у собора по одной линіи съ домомъ горнаго начальника. Уѣздный начальникъ обратился къ ротамъ съ рѣчью: Ребята, помните, что вы не въ непріятельской странѣ. Васъ призвали сюда для того только, чтобы помѣшать насилію со стороны рабочихъ, если это случится. Къ оружію нужно прибѣгать только въ крайнемъ случаѣ — для самозащиты. А если будетъ отданъ приказъ стрѣлять, то помните, что надо избѣжать ненужнаго пролитія крови! — Полковникъ, закричалъ Богдановичъ, вы дискредитируете военный авторитетъ. Прошу васъ замолчать! И замѣтьте еще не сдавалъ команды. Ваше Превосх., отвѣтилъ уѣздный начальникъ и подалъ губернатору рапортъ. Онъ отошелъ въ сторону. Командованіе было передано поручику. Въ это время къ губернатору подошла съ двумя своими дѣвочками жена одного изъ арестованныхъ (первыхъ) Филимошкина и, указывая на дѣвочекъ, сказала: А кто теперь ихъ будетъ кормить? Освободите мужа или возьмите вотъ ихъ и кормите. Молодой поручикъ принявшій гарнизонъ, отошелъ ее слегка и крикнулъ: Уходи, что ты лѣзешь? И съ тобой не разговариваю, отвѣчала Филимошкина, чего тебѣ надо? — И снова обратилась къ губернатору. Поручикъ схватилъ одну изъ ея дѣвочекъ и толкнулъ со злостью и суганью. Филимошкина не выдержала и дала офицеру пощечину при смѣхѣ толпы. — Что, съѣлъ? съехидничала она. Ты что здѣсь? все равно, что кобылій хвостъ пришитъ. Взбѣшенный поручикъ бросился на Филимошкину съ обнаженной шашкой въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой, но воинскій начальникъ крикнулъ: поручикъ, что вы дѣлаете? На бабу съ шашкой! Тотъ остановился. А толпа шумѣла... Не хотимъ принимать новыхъ правилъ! Не надо! Возвратите намъ манифестъ! Губернаторъ заоралъ на толпу: Не галдѣть! Я пріѣхалъ сюда не просьбы ваши разбирать, а прекратить бунтъ. Въ моей губерніи должно быть тихо — и нечего съ вами тратить попусту время. Сказавъ это, онъ вынулъ шагу и, обязавъ ее платкомъ, махнулъ два раза. Вслѣдъ за этимъ рожокъ заигралъ сигналъ стрѣлять. Полиція бросилась къ толпѣ съ крикомъ: Посторонитесь, отойдите, разойдитесь, сейчасъ стрѣлять будутъ!... Въ толпѣ раздались крики: Не могутъ стрѣлять! За что стрѣлять! Мы сами солдатами были. Гдѣ это видано. Если бы мы насильничали!... Будутъ стрѣлять такъ только, холостыми! Не расходись, ребята! — Рожокъ проигралъ. Первой шеренгѣ роты было приказано стрѣлять съ колѣна, т. е. наиѣрника. Разстояніе до толпы было не болѣе 50 саженей, а пули бьютъ на разстояніи 6 верстъ. Солдаты подобраны были главнымъ образомъ инородцы — башкиры, мордва, чуваши и разсортированы такимъ образомъ: въ первой шеренгѣ были старые солдаты, а во второй, которая стрѣляла, стояла молодежь. Раздался залпъ задней шеренги. Толпа шарахнулась и съ крикомъ бросилась бѣжать. Но вслѣдъ ей раздался второй, третій и четвертый залпы. Моментально площадь покрылась кровью. Массы раненыхъ корчились въ предсмертныхъ судорогахъ. Первымъ залпомъ никого убито на площади не было, кромѣ башкирца съ 2-мя лошадьми, который ѣхалъ за горой, въ него пуля попала навѣсными огнемъ. Убита за горой также старуха, которая въ это время зажигала у иконы лампадку. Первымъ же залпомъ убито два ученика городского училища, въ которомъ продолжались уроки. Училище расположено на площади, и спокойное занятіе въ немъ учителей говорило за то, что на площади бунта не было. Когда раздался залпъ, учитель велѣлъ всѣмъ ученикамъ лечь на полъ и только поэтому число жертвъ тамъ было невелико. Когда дымъ отъ залповъ разсѣялся, на площади лежало 31 чел. убитыхъ и массы раненыхъ, всего до 250 чел. Одинъ молодой рабочій послѣ перваго залпа бросился на крыльцо дома горнаго начальника и упалъ здѣсь за колонной. Онъ видѣлъ, какъ чиновники Управленія стрѣляли въ бѣгущую толпу — изъ оконъ и дверей дома горнаго начальника и изъ прорѣзного окна надъ дверью. Какой-то чиновникъ въ формѣ лѣсничаго, стрѣляя въ толпу, увидалъ этого рабочаго и, прицѣлившись изъ окна, сдѣлалъ въ него два выстрѣла изъ револьвера. Рабочій считалъ себя погибшимъ и лишь переворачивался съ боку на бокъ, поднимая ноги. Въ то же время исправникъ, нарядно выпивши со всей свитой губернатора, собралъ полицейскихъ и приказалъ имъ стрѣлять въ бѣгущихъ. Часть полицейскихъ пуль попала въ соборъ и отбила кусокъ штукатурки. Это видѣлъ мѣстный протоіерей и настолько распалился гнѣвомъ, что заявилъ, что онъ донесетъ по духовному начальству. Что палачи были подогрѣты выпивкой и закуской, это видно изъ того, что губернаторъ выславъ изъ дома горнаго начальника полицеймейстера, который очевидно переборщилъ. — Уйдите, сказалъ ему Богдановичъ, здѣсь вамъ не мѣсто. — Куда же я пойду. Ваше Прев., толпа возбуждена, замолилъ полицеймейстеръ. — Это не мое дѣло... Но вамъ здѣсь не мѣсто! Полицеймейстеръ вышелъ и, подойдя къ толпѣ, сказалъ: Братцы, вѣдь я за васъ... пропустите меня! И толпа, подержавшись, немедленно пропустила свое начальство, и начальство скрылось совѣсмъ, повидимому, подъ вобку жены и тѣмъ спасло съ себя вину въ пролитіи невинной человѣческой крови. Тамъ и самъ погибли раненые, купаясь въ крови. Исполняя на требованіе полиціи вези убитыхъ и раненыхъ, отвѣчали: Не повеземъ.... Не хотимъ мы марать саней невинной человѣческой кровью! Но послѣ угрозъ полиціи они повезли искалѣченный народъ. Скоро прибыла и пожарная команда и изъ рукавовъ начала мыть площадь, что удавалось съ трудомъ, т. к. стѣны напитался кровью. Въ этотъ же день на кладбище было подвезено 31 чел. убитыхъ. Кладбищенскій сторожъ разсказывалъ: Сижу я въ сторожкѣ и вижу, подъѣзжаетъ одна подвода, другая... Что такое? думаю. Вышелъ. Принимай страдальцевъ-гостей, сказалъ мнѣ извозчикъ. Господи, что такое? Меня такъ и ударило по головѣ. Домаленьку очнулся. Гляжу, прилъ полиціи. Надо, говоритъ надзиратель, ихъ обыскать, ты или отецъ? Думаю, я уйду, а они тутъ что нибудь украдутъ у покойниковъ, а послѣ на меня свалятъ. Не пойду, говорю. Стали обыскивать. Ни у кого ничего нѣтъ. Только у одного нашли кусокъ хлѣба и 6 печеныхъ картошекъ. Разсказалъ сторожка характерныхъ уже по тому одному, что онъ даже не знаетъ, что случилось въ городѣ. Нетъ, что ни вооруженнаго сопротивленія, ни дерзостей, шумящей и осаждающей уфимскаго бога-Богдановича толпы не было. Доказывается это и тѣмъ, что ни у одного изъ убитыхъ не найдено никакого колюще-режущаго оружія. Родственники убитыхъ хотѣли всѣхъ похоронить въ одной общей братской могилѣ, но начальство не допустило и они должны были хоронить своихъ отцовъ, братьевъ, сестеръ, женъ и матерей въ разныхъ могилахъ. Могилы эти стоятъ кучкой и всѣ украшены искусственными цвѣтами. Раненые были размѣщены въ 3-хъ больницахъ: городской земской и горнозаводской. Для всѣхъ не хватало мѣсть, больные валялись всюду: въ коридорахъ, въ проходахъ, въ конторѣ. Въ городской и земской больницахъ немедленно была подана медицинская помощь, а въ горнозаводской трое сутокъ не дѣлали перевязокъ, вслѣдствіе чего нѣсколько раненыхъ умерло отъ кровотеченія, а у нѣкоторыхъ произошло заражение крови и они не сегодня, завтра умрутъ. Помимо зарегистрированныхъ раненыхъ, многіе скрываются на дому и на перевязку не ходятъ изъ опасенія полиціи и начальства. Изъ скрывшихся одна женщина умерла отъ зараженія крови. Тщательный осмотръ нашимъ уполномоченнымъ дверей дома горнаго начальника далъ слѣдующіе результаты: часть пулевыхъ пробоинъ идетъ изнутри наружу, потому что выходныя отверстія съ расщепомъ, а входныя — гладкія. Такъ оно и должно быть, ибо по показаніи самыхъ разнообразныхъ свидѣтелей, двери крыльца были полуотворены и если бы стрѣляли въ эти двери со стороны толпы, то на наружной сторонѣ дверей были бы входныя пулевыя отверстія гладкія, а внутренняя съ расщепомъ. Но этого нѣтъ. Кромѣ того, пробиты наискось косяки, что могло быть лишь въ томъ случаѣ, когда стрѣляющій, боясь высунуться изъ двери, стрѣляетъ изъ-за прикрытія. Дверь эта безпристрастная свидѣтельница охоты на людей.. По пробоинамъ нельзя не заключить и о томъ, что изнутри дома кто-то стрѣлялъ изъ охотничьяго ружья, повидимому штуцера крупнаго калибра, но не изъ 3-линейной солдатской винтовки. Характерно, между прочимъ, то, что учитель городского училища, напуганный залпомъ, приказалъ ученикамъ лечь подъ парты. Тѣмъ не менѣе, какъ сказано выше, двое учениковъ были ранены, а одинъ умеръ отъ нервнаго потрясенія. У городского училища пробита балясина на балконѣ, около вывѣски и въ двухъ мѣстахъ крыша. Не менѣе характерно и то, что отъ „бунтующей, буйствующей, угрожавшей“ толпы арсеналъ охранялся обычнымъ однимъ только часовымъ. И только послѣ бойни его заняла рота солдатъ. Златоустоустовское общество возмущено. Тотчасъ послѣ дикой бойни оно пыталось дать коллективную телеграмму въ Петербургъ, но богъ-Богдановичъ не позволилъ сдѣлать это. Среди убитыхъ и раненыхъ есть нѣсколько лицъ, совершенно непричастныхъ къ рабочему населенію завода; такъ, убитъ довѣренный уфимскаго лѣсопромышленника, складчикъ жел. дор. и одна телеграфистка. Буржуазная публика, отнесласъ, насколько это дозволяетъ ея психологія, очень симпатично къ раненымъ: она доставляла имъ закуски, фрукты, вино, и вообще проявляла большой интересъ къ нимъ и симпатіи. Рабочее населеніе завода смотритъ волкомъ... Оно затихло снаружи, но внутри его горитъ бушующее пламя. На лицахъ рабочихъ можно прочесть только два слова: „недонѣріе и месть“. Что они съ вами сдѣлали? За что? говоритъ болѣе экспансивные. Развѣ мы хотѣли буйствовать? Да если бы мы хотѣли это сдѣлать.... Насъ не выбили бы изъ этой ямы (городъ окруженъ со всѣхъ сторонъ горами) въ теченіе года. — Бунтовать!... говорятъ другіе да намъ достаточно было бы взять нѣсколько гранатъ и отъ солдатъ осталось бы одно пустое мѣсто. Сами вѣдь мы дѣлали гранаты-то... Только починить да привернуть запальную трубку. Намъ стоило только крикнуть и въ одинъ мигъ мы могли бы разобрать арсеналъ. Вѣдь его только одинъ часовой охраняетъ! Горный начальникъ еще 10-го числа хотѣлъ сдѣлать бунтъ говорилъ другой рабочій — ну и сдѣлалъ и добился своего. Но онъ получитъ свое... Теперь городъ на военномъ положеніи: всюду ходятъ солдаты, фланируетъ конная полиція и мечутся всюду сыщики, ища корней и нитей. Но корней и нитей не оказывается, и весь бунтъ придумалъ гг. Богдановичъ, Зеленцовыми. Глѣзовыми и прочей чудью палача-самодержца. Что будетъ впереди трудно сказать, но съ увѣренностью можно сказать, что бывшая досель на глазахъ рабочихъ повязка спала и они увидѣли вещи въ непривлекательномъ видѣ.

Ростовъ н. Д.

Изъ частнаго сообщенія. Послѣ того, какъ демонстранты (2-го марта) утомленные почти четырехчасовымъ шествіемъ, рѣшили прекратить демонстрацію, убрали знамена и начали расходиться, на мѣстѣ дѣйствій появились войска. Только тогда, не слыша болѣе революціонныхъ криковъ, обезумѣвшая отъ ужаса полиція приняла нѣсколько въ себя и начала дѣйствовать. Пять прикрытыхъ сотни казаковъ состояли „военный совѣтъ“ во главѣ съ полицеймейстеромъ, у котораго демонстранты сорвали саблю, переломили ее и бросили въ воздухъ. Почувствовавъ себя въ безопасности, околоточные и пристава начали ловить „зачинщиковъ“, выхватывая изъ толпы наугадъ отдѣльныхъ „политиковъ“. Нѣсколько человѣкъ удалось отбить, причемъ здѣсь-то былъ смертельно раненъ на дняхъ скончавшимся приставъ 4-го участка В. Антоновъ. Это значительно сократило пыль полиціи. Тѣмъ не менѣе на улицѣ успѣли арестовать человѣкъ двадцать „зачинщиковъ“. Изъ нихъ 16 отправлено въ тотъ же день въ тюрьму. Среди этихъ лицъ нѣтъ буквально таки ни одного, имѣющаго хоти бы сколько-нибудь близкое понятіе о революціонномъ движеніи. Въ числѣ этихъ демонстрантовъ есть: уличный тапперъ, органщикъ (бродячій музыкантъ), уличный чистильщикъ сапоговъ, какой то восточный человѣкъ, не знающій русскаго языка и т. д. Но случаю великаго поста большая часть демонстрантовъ этихъ скоромной пищи не вкушаетъ. Но жандармамъ нужны жертвы и они не освобождаютъ этихъ горемыкъ.

Вслѣдъ затѣмъ начинается эпидемія обысковъ и арестовъ. Въ ночь со 2 на 3 марта арестованы А. Браиловскій, А. Локермань и А. Логачева, у которыхъ найденъ пепелъ, изъ чего жандармы сдѣлали заключеніе, что „что-то“ было сожжено.

Это марта арестованы дѣв. Р. Локермань и М. Нагель за то, что походили къ тюрьмѣ „очевидно вести съ заключенными переговоры“. 8-го арестованы Миндлинъ, Охнянскій и Диковъ. У Дикова при обыскѣ „нашли“ казацкую одежду на двухъ человѣкъ, въ виду чего жандармы предъявили ему и Охнянскому обвиненіе въ пропагандѣ революціонныхъ идей среди иногороднаго донского казачества. Черезъ три дня Диковъ освобожденъ; обвиненіе съ него снято, т. к. ему удалось доказать, что казачья одежда была у него оставлена на храненіе. Затѣмъ были арестованы и отправлены въ таганрогскую тюрьму: Рейзманъ, Васильченко, Безпаловъ и Гликинъ. Всѣ 4 голодаютъ, требуя перевода въ Ростовъ.

А. Локермань переведенъ въ новочеркасскую тюрьму, гдѣ сидитъ по сихъ поръ безъ допроса и свиданій: Браиловскій переведенъ въ тюрьму Каменской станицы; къ нему также на свиданье никого не допускаютъ.

Послѣ 10-го марта арестованы и поставлены въ ростовскую тюрьму рабочіе: Скрипиченко (въ карманѣ найдены переписанныя Варшавянка и Марсельеза), Колосовъ, Ильинскій и Клещевъ.

Въ настоящее время изъ тюрьмы выпущено 8 чел., изъ нихъ двѣ дѣвушки, арестованныя на демонстраціи. Жандармерія ведетъ слѣдствіе возмутительно. Каждому въ отдѣльности жандармы заявляютъ, что онъ несъ знамя, убилъ пристава Антонова и, кромѣ того, состоялъ членомъ Донского Комитета. Но въ большинствѣ случаевъ жандармы не выдерживаютъ тона и начинаютъ на допросѣ вести пропаганду. Зачѣмъ вы съ жандармами связались говорилъ „демонстрантамъ“ шт.-ротмистръ Сѣдовъ. — вѣдь это все они строятъ, а вы, православные, имъ помогаете“. Тѣмъ не менѣе „православные“ привлекаютъ по 252 и 318 статьямъ Уголовнаго Уложенія и сверхъ тюрьмы, на очную ставку съ городовыми. „Ты тоже политической?“ — изумленно вопрошаетъ какой-то чинъ простоватаго мужичка, попавшаго съ пьяныхъ глазъ въ руки полиціи. „Никакъ нѣтъ, Вашебродіе, я пезианской“... — Царька горилка й мене зробила полытическимъ“, скромно замѣтилъ одинъ малороссъ.

создаютъ широкое поприще для его подвиговъ. И капиталъ спѣшитъ устремиться на это новое поприще. Въ мартѣ 1900 г.) это фирмой *„Центральная контора крупныхъ бельгійскихъ молочныхъ“*, въ Бельгіи было основано анонимное общество, главной цѣлью котораго является именно сѣдла центръ „кооперативныхъ“ предпріятій. Значеніе этого шага было такъ ясно, что организованное бельгійское крестьянство приняло въ волненіе. Львиный *„Крестьянскій Союзъ“* постановилъ, что кооператоры не должны входить ни въ какія сношенія съ названной конторой. Но это не помѣшало ей успѣхамъ. „И уже теперь можно предсказать, — замѣчаетъ Вандервельдъ, — что при первомъ же кризисѣ множество мелкихъ молочныхъ, работающихъ съ недостаточнымъ капиталомъ, исчезнетъ, уступивъ мѣсто паровымъ молочнымъ заводамъ. Очевидно превосходить ихъ и въ техническомъ, и въ коммерческомъ отношеніи.“*)

А между тѣмъ въ молочномъ хозяйствѣ дѣло бельгійскихъ кооперативныхъ товариществъ обстоитъ чисе таки лучше чѣмъ въ другихъ отрасляхъ обработки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Если для устройства паровой молочной нужны по крайней мѣрѣ 30 или 40 тысячъ франковъ, то для устройства хорошо оборудованнаго сыроварнаго завода необходимо имѣть не менѣе 800 тысячъ. Поэтому, мы видимъ, что хотя сахарные заводы и посуды иногда кооперативную этикетку, но въ сущности они имѣютъ чисто капиталистическій характеръ.**) То же приходится сказать и о винокурныхъ, пивоваренныхъ и т. п. Въ виду всего этого Вандервельдъ, который еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, именно въ рефератѣ, озаглавленномъ: *„Золотая свадьба научнаго соціализма“*, высказывалъ къ великой радости нашихъ народниковъ, то убѣжденіе, что сельско-хозяйственная кооперація позволитъ деревнѣ миновать капиталистическую фазу, теперь пришелъ къ *противоположному взгляду*. Въ настоящее время онъ убѣжденъ, что сельско-хозяйственныя товарищества, размножающіеся въ бельгійской деревнѣ, „или будутъ произвать въ зачаточныхъ формахъ, или, пріобрѣтая болѣе важное значеніе, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе пріобрѣтать капиталистическіе характеръ“.***) Это какъ разъ то, что говоримъ мы, „фанатическіе“ сторонники „марксовой догмы“.

Правда, Вандервельдъ думаетъ, что судьба сельско-хозяйственныхъ *товариществъ для производства и продажи продуктовъ* могла бы быть иная, если бы они были прочно соединены съ общирными *товариществами потребителей*. Онъ указываетъ на нѣкоторыя молочныя бельгійскихъ крестьянъ — соціалистовъ, сбывающія свои продукты потребительнымъ товариществамъ городскихъ рабочихъ, и потому имѣющія обезпеченное существованіе. Но, во-первыхъ, и здѣсь „перспективы будущаго“ кажутся ему „довольно ограниченными“.*) А во-вторыхъ, и это всего важнѣе, здѣсь вопросъ о возможности роли сельско-хозяйственной кооперации получаетъ совершенно другое содержаніе.

Что потребительныя товарищества при извѣстныхъ условіяхъ могутъ оказать значительныя услуги дѣлу освободительной борьбы пролетаріата, это убѣдительно показало примѣромъ Бельгіи, и на этотъ счетъ теперь безповорно распространяться. Что организованная партія *пролетаріата* можетъ опять таки при наличности извѣстныхъ условій привлечь къ себѣ болѣе или менѣе значительную часть мелкаго крестьянства, ни на минуту не подкидая при этомъ своей классовой точки зрѣнія, въ этомъ тоже невозможно сомнѣваться. Наконецъ, что организованная партія пролетаріата можетъ, въ своемъ воздѣйствіи на крестьянство, опираться между прочимъ и на свои потребительныя товарищества, это мы допускаемъ, безъ малѣйшаго колебанія. Но все это показываетъ только то, что *пролетаріи, выброшенный изъ деревни въ качествѣ обнищавшаго члена общины, можетъ и долженъ вернуться въ нее социалъ-демократическимъ агитаторомъ*. А это мы знаемъ по крайней мѣрѣ со времени появленія выработанной гр. *„Освобожденіе Труда“* проекта программы русской социалъ-демократіи. И когда наши противники указываютъ на сельско-хозяйственную кооперацію, какъ на новый путь, по которому деревня можетъ придти къ соціализму, не испытывая непріятностей классовой борьбы, они имѣютъ въ виду вовсе не эти товарищества крестьянъ, ничѣмъ зависящія отъ *пролетарской поддержки*. Они утверждаютъ, что собственная внутренняя логика деревенской кооперации приведетъ крестьянина къ соціализму. И тутъ они жестоко ошибаются: *эта* логика ведетъ къ капитализму.

Намъ нелишнее будетъ запомнить этотъ выводъ. Онъ поможетъ намъ разобрать программу русскихъ соціалистовъ-реакціонеровъ, которые возлагаютъ на сельско-хозяйственную кооперацію такія же огромныя и такія же неосновательныя надежды, какія связаны съ нею у ихъ родныхъ братьевъ, опортунистовъ западноевропейскаго соціализма.

---

*) Тамъ же, стр. 179.

**) Ср. Вандервельдъ, тамъ же, стр. 189.

***) Тамъ же, стр. 194.

*) Тамъ же, та же страница.

Въ виду того, что демонстрація произошла безъ предварительнаго печатнаго оповѣщенія, всѣхъ арестованныхъ обвиняютъ по 318 ст. Улож. о наказ., т. е. въ участіи въ организаціи. Девять человѣкъ обвиняется, кромѣ 318 и 252 ст., еще и по 264 ст. — вооруженное сопротивленіе чинамъ полиціи. Въ виду этого жандармерія грозитъ перевести ихъ въ уголовныя камеры и вообще обращаться съ ними, какъ съ уголовными. Но это, вѣроятно, только угроза.

Кромѣ демонстрантовъ, въ тюрьмѣ сидятъ еще рабочіе: Черныхъ, Собиновъ, Скоробогатовъ и дѣв. Сущенко (арест. во время распространенія прокламацій на табач. фаб. Асмолова), арест. въ пути казанскій студентъ Андреевскій. Въ началѣ марта отправленъ въ Петербургъ арестованный въ Ростовѣ по дѣлу Петерб. Ком. Раб. Орган. — Н. Афанасьевъ.

Совершенно случайно и неожиданно для самихъ себя сидящіе въ ростовской тюрьмѣ устроили шумную манифестацію, чреватую послѣдствіями.

Отъ редакціи: Приводимъ полученное нами изъ Ростова н/Д. „Письмо къ товарищамъ отъ политическихъ заключенныхъ“ съ разсказомъ объ этой манифестаціи:

„Во вторникъ 25 марта часа въ 4 вечера мы всѣ у оконъ начали пѣть революціонныя пѣсни, привлекая къ тюрьмѣ проходящій народъ. Вслѣдъ за этимъ двое изъ нашихъ товарищей произнесли рѣчи, въ которыхъ призывали народъ къ освобожденію отчизны. Проводили параллель между своей неволей и неволей всего русскаго народа и т. д. въ томъ же духѣ. Со всѣхъ сторонъ сталъ сбѣгаться народъ и въ какія нибудь 10 минутъ вся площадь передъ тюрьмой со стороны трамвая была запружена народомъ. Собралось до 1000 человѣкъ (за вѣрность цифры органъ-не ручается, но нѣсколько сотенъ — вполнѣ возможный фактъ).

Въ это самое время во дворѣ у оконъ камеръ политическихъ заключенныхъ появились два помощника начальника тюрьмы, причемъ одинъ сталъ уговаривать прекратить рѣчи, а другой прибѣгалъ съ угрожающими криками и сейчасъ же скрылся. Изъ тюрьмы немедленно извѣстили полицеймейстера и явилась сотня казаковъ разгонять толпу, которая до того времени привѣтственно отвѣчала криками „ура“ и „долой самодержавіе“. При появленіи казаковъ рѣчи прекратились, и народъ мало по малу сталъ расходиться.

На всю тюрьму эта сходка произвела отрезвляющее дѣйствіе. Всѣ уголовные какъ будто проснулись, какъ будто съ новой силой почувствовали весь произволъ, всю грубость и насиліе тюремной администраціи. Къ политическимъ отношеніе полно глубокаго уваженія и оно проявляется на каждомъ шагу.

На слѣдующій день, въ среду 26-го двухъ товарищей призывали въ контору объясняться по поводу происшедшей сходки, но они отдѣлались незначительными фразами, вродѣ того, что народъ собрался, благодаря проходившимъ похоронамъ.

Среда и четвергъ до 4 часовъ прошли спокойно. Въ 4 часа въ камеру, въ которой помѣщались двѣ политическія, находящіяся въ лѣвомъ флигелѣ, явился помощникъ и заявилъ имъ, чтобы онѣ переходили въ другую камеру, занятую уже одной изъ политическихъ. Онѣ наотрѣзъ отказались, т. к. камера, куда ихъ хотѣли перевести, находится среди камеръ уголовныхъ и страшно загрязнена, полна клоповъ и таракановъ, а главное, она почти совершенно исключаетъ возможность сношеній съ другими политическими. Разъ три приходилъ помощникъ, убѣждая ихъ перейти, т. к. камеры должны быть свободны по распоряженію Артеньева, въ виду новыхъ арестовъ.

Наконецъ, двумъ протестовавшимъ ничего не оставалось дѣлать, какъ перейти, т. к. надзиратели стали собирать ихъ вещи. Во время этихъ переговоровъ одинъ изъ надзирателей, Гащукъ, сталъ грубо издѣваться и осыпать ругательствами одну изъ дѣвицъ за то, что она кричала, чтобы другія дѣти не сопѣлались переходить. Послѣ долгаго сопротивленія онѣ, наконецъ, переѣхали и водворились въ грязной, душной камерѣ.

Оставить безъ протеста такое грубое обращеніе и желая со стороны тюремной администраціи какого нибудь отношенія къ политическихъ было невозможно и они всѣ вмѣстѣ у открытаго окна стали излагать все уголовнымъ, сидящимъ вокругъ въ камерахъ. Вслѣдъ затѣмъ онѣ стали пѣть революціонныя пѣсни, чѣмъ вызывали со стороны уголовныхъ явное одобреніе и сочувствіе, выражавшееся въ апплодисментахъ и крикахъ, спасибо, политическіе“. Со стороны администраціи иной разъ раздавались грубые крики прекратить пѣніе; одинъ старшій приразилъ къ уголовнымъ, но пѣніе не прекращалось до поздняго вечера.

Чувствовалось приподнятое настроеніе у всѣхъ сидящихъ по камерамъ.

Въ пятницу 28 марта по обыкновенію стали выводить политическихъ на прогулку. Въ 9 часовъ вывели во дворъ одного изъ товарищей, причемъ появился начальникъ тюрьмы и человѣкъ 8 надзирателей. Товарищу объявили, что его сейчасъ должны отвести въ карцеръ. На его категорическій отказъ надзиратели схватили его за руки и стали тащить. Онъ сталъ сопротивляться, тогда еще двое стали бить его въ спину. Тогда нѣкоторые изъ товарищей, видѣвшіе это изъ окна, стали кричать, чтобы его не смѣли трогать. Ихъ крики привлекли къ окнамъ уголовныхъ, которые, увидя такую дикую сцену, поднялись сразу съ оглушительными криками „долой начальника“, „оставьте товарища!“ Моментально за этими криками раздался звонъ разбитаго стекла. Товарища, котораго вели въ карцеръ, оставили, онъ ушелъ гулять, но уголовные, со всей силой накопившейся злобы, обиды и горя, принялись бить все, что было у нихъ подъ руками.

Въ какіе нибудь полчаса были перебиты всѣ стекла по единаго, во всей тюрьмѣ столы, скамейки, нары, все было изломано въ куски и выброшено за окна. Тюрьма вся поднялась, какъ одинъ человѣкъ, требуя на расправу начальника, который скрылся сейчасъ же при первомъ звукѣ разбитаго стекла.

Женщины всѣ присоединились къ мужчинамъ и крики, проклятія, звонъ разбитыхъ оконъ, трескъ дерева продолжались добрый часъ. На волѣ за тюремной стѣной собрался народъ и крики толпы слились съ протестами заключенныхъ. Въ 11-мъ часу появились казаки съ ружьями. Явилась вся военная администраціи, жандармы, вся клика мерзавцевъ. Казаковъ пришло около сотни. Они заняли первый дворъ, и переднюю часть внутренняго двора.

Въ это время товарища уже увели обратно въ камеру и заявили другому, что его тоже отведутъ въ карцеръ.

Три десятка казаковъ съ заряженными ружьями, съ шашками на голо явились въ камеры и **взяли** обоихъ товарищей. Сопротивляться было немыслимо, и они должны были спуститься внизъ въ карцеры, причемъ они всю **дорогу** высказывали свое негодованіе.

Всѣ политическіе сегодня на поѣздъ требовали ихъ освобожденія, но т. к. на поѣздку начальникъ не явился, то требованія были переданы помощнику.

Требованія были слѣдующія:

1) Освобожденіе нашихъ товарищей. 2) Чтобы завтра же явился товарищъ прокурора для того, чтобы выслушать нашу жалобу на тюремную администрацію.

Если же завтра въ 10 часовъ онъ не явится, то освободить товарищей, то вы объявляемъ голодовку до т[illegible] пока не исполнятъ нашихъ требованій.

Казаки оставались въ тюрьмѣ цѣлый д[illegible] ихъ остались и на ночь. Весь день жандармерія [illegible] оставались въ тюрьмѣ, но Артеньевъ (жанд. полк.) [illegible] обѣ въ камерахъ и не звалъ на допросъ.

На вопросъ полицеймейстера, почему уголов[illegible] бить, они прямо отвѣчали, что не могли допустить, [illegible] ихъ глазахъ политическихъ вели въ карцеръ. [illegible] Вообще [illegible] уголовныхъ къ политическимъ [illegible] сколько [illegible] ихъ и бодрость народа, [illegible] чтобы свободная рѣчь текла широкой волной и находила бы себѣ откликъ у людей, сидящихъ за желѣзными рѣшетками.

По слухамъ въ тюрьмѣ началась голодовка и, повидимому, она еще не кончилась.

Отъ редакціи: Поздно пришло извѣстіе, только что полученное нами, гласитъ, что голодовка всей тюрьмы продолжалась три дня; кончалась неудачей; ни одного изъ требованій не удовлетворяли. 3 апрѣля выпущенъ изъ тюрьмы А. Локерманъ.

Варшава, 14-го апрѣля. Въ отличіе отъ національностической польской „Народовой Демократіи“, праздноующей день потери Польшей конституціи 20-го апрѣля (3-го мая нов. стиля), революціонныя группы г. Варшавы рѣшили отпраздновать 1-ое мая за недѣлю *до*, т. е. 13/26 апр. По городу начали усиленно циркулировать воззванія и листки, разъясняющіе значеніе для рабочей массы праздноованія 1-го мая. Въ особенно значительномъ количествѣ были распространены прокламація Бунда (на евр. яз.), воззванія П. П. С. „Къ польскимъ и еврейскимъ рабочимъ и работницамъ“ (на польск. и евр. яз.), прокламація „1-ое мая“ и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ Организаціонного Ком. Р. С.-Д. Р. П. (на русск. яз.), воззванія „Группы соціалистической молодежи“ — къ польской интеллигенціи и „Къ коллегамъ и коллежанкамъ“ (объ на польск. яз.) и масса другихъ, а дней за 5-6 были разбросаны по городу въ большомъ количествѣ приглашенія къ участію въ демонстраціи (на польск. и еврейск. яз.). Разбрасывали на лѣстницахъ домовъ, по библіотекамъ, по выставкамъ, на почтѣ и въ др. мѣстахъ.

Въ этомъ году въ Варшавѣ впервые были устроены двѣ демонстраціи. Исходя изъ взгляда, выраженнаго въ резолюціи послѣдняго съѣзда, что въ Польшѣ, на польской территоріи, могутъ вести агитацію и пропаганду *только* польскія партіи, а не партіи другихъ національностей, П. П. С., ставящая однимъ изъ главныхъ требованій — освобожденіе Польши, отказалась отъ совмѣстнаго участія въ демонстраціи съ организаціей Бунда; П. П. С. радостно приглашала еврейскихъ рабочихъ къ совмѣстному протесту, но съ организаціей Бунда — она не хотѣла имѣть никакихъ дѣлъ. Тогда Бундъ и присоединившіеся къ нему въ видѣ протеста „П. С.-Д.“ и „Пролетаріатъ“ рѣшили совмѣстно устроить отдѣльную демонстрацію на Маршалковской ул. (П. П. С. постоянно устраиваетъ въ Уязодовскихъ аллеяхъ).

Къ 5-ти часамъ, какъ Уязодовскія аллеи, такъ и Маршалковская улица на всемъ своемъ протяженіи были полны народу; оставаливаться не позволяли, настойчиво разгоняя всякое болѣе или менѣе большое скопленіе народа. Все же около 5½ час., на углу св. Креста и Маршалковск. улицъ, быстро соединилась толпа чел. 400-500 рабочихъ и учащейся молодежи высшихъ и среднихъ учеб. заведеній и съ высоко поднятыми двумя знаменами (одно Бунда, другое „Пролетаріата“), съ стройнымъ и громкимъ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, при возгласахъ „долой самодержавіе!“, „долой царизмъ!“, „долой капитализмъ!“ (произвашимъ въ это время на извозчикѣ офицерамъ кричали „долой милитаризмъ!“, „да здравствуетъ соціалистическое общество, республиканскій строй“ и т. д.) прошла по Маршалковской ул.; не доходя до Сѣнной ул., толпа повернула и такъ же стройно, сильно увеличившись, благодаря вновь присоединившей публикѣ, направилась обратно по направленію къ ул. св. Креста. Затѣмъ такимъ же порядкомъ повернули обратно. Полиція все время бездѣйствовала; находившіеся вблизи околоточные и городовые выхватили было шашки, но при видѣ угрожавшихъ палками демонстрантовъ, благоразумно вложили ихъ въ ножны и на почтительномъ разстояніи сопровождали демонстрантовъ. Но вдругъ, когда подходили въ третій разъ къ ул. св. Креста, изъ-за угла выдѣлялся полсотни казаковъ, съ обнаженными шашками, съ нагайками въ рукахъ; они бросились на толпу; толпа разомъ попалась, разомъ бросилась въ разсыпную. О защитѣ, о сопротивленіи палками, которыми всѣ были вооружены, не было и рѣчи — всѣ бѣжали; въ сумятохѣ избили одного околоточнаго, но передъ казачьей нагайкой всѣ бѣжали. Спасшіеся въ ворота тѣмъ были запеты и затѣмъ арестованы. Между тѣмъ полиція, жандармы и казаки все время разлѣзались, не давая возможности снова соединиться въ болѣе и менѣе большую толпу; на углахъ толпу внезапно перерѣзывали ряды городовыхъ и заставляли одну часть возвращаться обратно. Не смотря на это, толпа демонстрантовъ еще разъ прошла знаменосность съ знаменами не быть арестованъ съ пѣснями по многимъ улицамъ и направилась къ тюрьмѣ — къ Павіаку. Передъ тюрьмой прошелъ нѣсколько разъ, пѣли пѣсни, громкіе возгласы все время раздавались, начали стучать палками въ ворота тюрьмы... Изъ-подъ кольцовъ щитовъ, которыми закрыты окна въ Павіакѣ, политическіе зажгли бумагу и крутили ею по воздуху, показывая своимъ товарищамъ, что они слышатъ бѣніе жизни на волѣ, что ихъ сердца горятъ такимъ же сильнымъ и ярки[illegible] пламенемъ, какъ и та бумага, которой они отвѣчали на привѣты товарищей. Моментъ былъ ужасный, тяжелый, но бодрый въ то же время: то былъ одинъ изъ валовъ, одна держава волна, которая смѣло ударила съ самую грудь каменной скалы. Прибывшими казаками товарищи были разогнаны.

Въ Уязодовскихъ аллеяхъ движеніе было грандіознѣе, сильнѣе, народу было несравненно болѣе. Каждую минуту, когда проходило какое-либо начальствующее лицо, его сопровождали рѣзкимъ, оглушительнымъ свистомъ... Конечно, отвѣтомъ на это были только казацкія нагайки... Но П. П. С. не оставались все время на Уязодовскихъ аллеяхъ: часть демонстрантовъ направилась къ польскимъ (Вола) и еврейскимъ (Налевки) рабочимъ кварталамъ. Полиція, сконцентрированная на Маршалковской и Уязодовскихъ аллеяхъ, тамъ почти что отсутствовала. Демонстранція въ рабочихъ кварталахъ поэтому имѣ удалась чудесно.

Вообще въ Варшавѣ теперь господствуетъ необычайное возбужденіе. Всѣ говорятъ только о демонстрантахъ, только о соціалистахъ и соціалистахъ. Вчера вдругъ[illegible] теперь только бы и слышать... Демонстрація имѣла необычайное *антиалкогольное* значеніе. Число арестованныхъ въ точности еще неизвѣстно; на Маршалковской ул. было арестовано 30-100 чел., а въ Уязодовскихъ аллеяхъ 300-400 чел.

На другой день послѣ демонстраціи въ Политехническомъ Институтѣ было вывѣшено объявленіе приблизительно слѣдующаго содержанія: на сходкѣ 28-го февраля, какъ извѣстно, институтъ выразилъ „моральный“ протестъ директору по поводу избіенія студентовъ, участвовавшихъ въ антигерманской демонстраціи; теперь же они избиты: 1) студ. ун. Домбровскаго; медицинскимъ освидѣтельствованіемъ констатировано, что ему перебили переносицу; при освидѣтельствованіи его врачъ констатировалъ, что пульсъ у него 120. 2) арестованъ студ. политехникума Вайнштейнъ. Въ глазахъ у публики избили его до того, что это дѣйствіе избіенія вызвало протестъ со стороны даже постороннеи публики. 3) Студ. ун. Шапиро въ 11½ ч. ночи проходилъ по Граничной ул.; проходившій мимо околоточный съ нагрузкой ударилъ его возможно по спинѣ и, когда Шапиро потребовалъ объясненій, послѣдній отвѣтилъ: „такъ тебѣ, сволочь, и надо, не шляйся ночью“. Всѣхъ студентовъ призываютъ подождать прежде принятое рѣшеніе и сообщ выразить уже не моральный только протестъ. На днихъ въ политехникумѣ будетъ сходка. Болѣе крѣпкіе студенты полагаютъ, что ничего не выйдетъ. Политическая неурѣлость варшавскаго студенчества поразительна; въ своемъ возваніи они говорятъ лишь объ избіеніи этихъ трехъ студентовъ, забывая о всей остальной избитой публикѣ, забывая, что эти избіенія есть прямое слѣдствіе одного режима, противъ котораго слѣдуетъ одинаково бороться какъ лицамъ безъ формы, такъ и съ формой.

Рига. Даже наша консервативная Рига выходитъ на улицу открыто заявлять свой протестъ противъ самодержавія.

У насъ въ Ригѣ произошли событія, которыя взволновали весь городъ и заставили всѣхъ говорить о нихъ. 26-го марта пріѣзжая труппа давала въ „Улѣ“ драму Горькаго „На днѣ“. Послѣ 3-го акта съ правой стороны галлереи въ публику посыпались воззванія „Къ рижскому обществу“ за подписью „Обѣдъ Комитета Рижск. Русской, Еврейской и Латышской Соц.-Дем. рабочей Организаціи“, раздались возгласы: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ полит. свобода!“, подхваченные другими „ура“ публики. Возгласы и „ура“ не прекращались въ теченіе пяти минутъ. Полиція бросилась на галлерею и перенесла всѣхъ сидѣвшихъ по лѣвую сторону, а сидѣвшихъ по правую сторону оцѣпила. Воззванія почти всѣ были разхвачены публикой. Сейчасъ же полиція увела одного еврейскаго и одного латышскаго рабочаго, на которыхъ шпіоны указали, будто они бросали. Шпіоновъ, кстати сказать, было ихъ общемъ болѣе 40 человѣкъ, такъ какъ полиція ожидала манифестаціи въ театрѣ и приготовилась надлежащимъ образомъ.

Сейчасъ послѣ представленія небольшая группа молодежи собралась передъ входомъ въ галлерею, чтобы ожидать оцѣпленныхъ на правой сторонѣ галлереи товарищей. Набралась толпа человѣкъ въ 50-70; состояла она большею частью изъ учащихся въ средн. учебн. заведеніяхъ и зубоврачебной школѣ. Полиція все прибывала и прибывала. Вдругъ вышелъ жандармскій офицеръ и попросилъ толпу разойтись, но толпа въ отвѣтъ крикнула ему: „не разойдемся, отпустятъ сейчасъ арестованныхъ“. Жанд. офицеръ отвѣтилъ, что не можетъ этого сдѣлать и попросилъ не второй разъ разойтись, но толпа опять повторила то же самое; тогда онъ пригрозилъ, что примѣнитъ оружіе, но это не послѣдовало.

Онъ сталъ тогда подходить къ отдѣльнымъ лицамъ, прося ихъ разойтись. Къ одной группѣ учениковъ онъ обратился со слѣдующими словами: „Господа гимназисты, васъ я прошу отдѣльно, разойдитесь!“ Толпа рѣшила пойти впередъ по Известковой, обогнуть ее по Рѣзницкой и черезъ проходную улицу опять собраться передъ входомъ въ галерею, чтобы отбить арестованныхъ. Направились по Рѣзницкой; толпа выстроилась въ ряды и съ пѣніемъ „Марсельезы“ прошлась по Рѣзницкой, но не завернула въ проходную улицу, чтобы не забрали всѣхъ (улица эта снабжена воротами и полиція, шедшая за демонстрантами, могла безпрепятственно забрать всѣхъ, заперевъ ворота). Остановились у входа въ Ткацкую, провозгласили „Долой самодержавіе!“, „Долой полицію!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и съ пѣніемъ „Варшавянки“ прошлись немного по Ткацкой, пока со всѣхъ сторонъ не были окружены полиціей и демонстранты тогда всѣ разбѣжались.

Въ рукахъ полиціи остались четыре случайныхъ прохожихъ, которыхъ она обвинила въ „нарушеніи общественн. тишины и порядка“. Всю ночь рыскала полиція въ погонѣ за демонстрантами и записала еще одного молодого человѣка и единственно потому только, что онъ еврей. Изъ забранныхъ на правой галлереѣ 22 человѣкъ были 5 солдатъ, которые сейчасъ же были отпущены, но предварительно были опрошены, не видали ли они, кто бросалъ прокламаціи, а на отрицательный отвѣтъ ихъ жандармскій офицеръ объяснилъ имъ, что они на то и солдаты, чтобы смотрѣть за этимъ; изъ остальныхъ 17 человѣкъ 13 были отпущены въ тужъ ночь, а 4 еще сидятъ до сихъ поръ. — На другой день, 27-го марта, послѣ лекціи „Горькій и его произведенія“, прочитанной И. Александровскимъ въ Александровской гимназіи, на публику, сходящую съ лѣстницы, посыпались воззванія и раздались возгласы: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“, „Да здравствуетъ подпадворный Горькій!“ и „Да здравствуютъ арестованные вчера товарищи!“, подхваченные другимъ „ура“. Выйдя на улицу, выстроились въ ряды и съ пѣніемъ „Марсельезы“ толпа дошла до жандармскаго управленія и остановилась. Въ публику посыпались прокламаціи. Раздались возгласы: „Долой самодержавіе!“, „Долой царскихъ опричниковъ!“, „Долой жандармерію!“, „Да здравствуетъ революція!“, и толпа съ возгласами и пѣніемъ „Варшавянки“, „Смѣло, друзья, не теряйте“... и другихъ революціонныхъ пѣсенъ прошла Суворовскую улицу, повернула на Мельничную улицу, дошла до Александровской и тамъ разсѣялась. Было около 250 демонстрантовъ, а провожающей публики тоже было около 300 человѣкъ. Демонстрація произвела грандіозное впечатлѣніе, какъ на участниковъ, такъ и на посторонюю публику. Только объ этомъ и говорятъ въ городѣ и эта демонстрація разрастается въ фантастическія размѣры въ устахъ общества. Нужно замѣтить, что демонстраціи не были организованы, а были случайныя. Принимали въ нихъ участіе только интеллигентная молодежь. Арестовать никто не былъ. Только послѣ демонстраціи прибыли полиція и, въ тщетныхъ поискахъ за демонстрантами, обходила всю ночь патрулями городъ. На другой день давалась еще разъ „На днѣ“, и полиція, увѣренная въ демонстраціи на этотъ разъ, приняла чрезвычайныя мѣры: билеты на галлерею не продавались и на каждаго зрителя изъ публики было чуть-ли не по 3 шпіона. Опера были также наводнена полиціей, но, разумѣется, никакой демонстраціи не произошло и взбѣшенная полиція арестовала пять чел. студентовъ, которые говорили между собой обвиняя ихъ въ томъ, что они сказали, что произошла на этотъ разъ не была; конечно, полиція принуждена была ихъ сейчасъ выпустить. Въ ту же ночь были произведены обыски и арестованы бывшій студ. Браунъ и студ. Лекке. Ожидается въ скоромъ времени массовые обыски.

Письмо изъ Тифлиса. Въ № 53 газеты „Кавказъ“ появилось правительственное сообщеніе о манифестаціи 23-го февраля. По обыкновенію, оно совершенно лживо. Въ немъ нельзя найти и отдаленнаго намека на истинный характеръ манифестаціи, на который ее вызвать.

Желая ознаменовать годовщину 19-го февраля, рабочіе рѣшили въ этотъ день выйти на улицу и, сплотившись подъ знаменемъ съ надписью на трехъ языкахъ, „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ соціализмъ“, съ пѣніемъ „Марсельезы“ пройтись по улицамъ города. Но, наученные горькимъ опытомъ, рабочіе для самообороны вооружились кизилеными, и, какъ справедливо глаголютъ полицейскія уста въ сообщеніи, тяжелыми палками. Вслѣдствіе неурозумѣнія, возникшаго между различными группами рабочихъ относительно времени манифестаціи (а не вслѣдствіе бдительности полиціи, какъ говоритъ сообщеніе), рабочихъ, числомъ около 6,000, не удалось собраться въ одномъ мѣстѣ, и только небольшая группа манифестантовъ въ 12[illegible] чел. вышла[illegible] на улицу Армянскаго базара и съ крикомъ „долой самодержавіе“ и не „ура“ бросилась къ Армянскому базару. Здѣсь два офицера, состоявшій полковникъ Агаевъ, и врученъ Тифлисскаго полка Александръ-ханъ, сопровождавшіе похоронную процессію, были прошены за административныхъ лицъ, и тогда, предполагая, что попала въ полицейскую засаду, революверными выстрѣлами и палкой поранила ихъ. При крикахъ толпы „долой самодержавіе“ усиленный нарядъ полиціи на Эриванской площади въ панкиръ бросился противъ[illegible] уголь Эриванской площади призывая спасителя казаковъ на помощь. Поле битвы осталось за манифестантами. Когда выѣхали со двора военнаго казаки, то демонстрація уже была окончена. Но здѣсь надо было искушать свой покровъ. Стали бить безъ разбора находившихся на улицѣ. Казаки и полиція группами с нападали на одного и, избивъ, волокли въ участокъ, гдѣ жали свою зверскую расправу. Бойней распоряжались с кій ротмистръ Лавровъ и полицеймейстеръ Ковалевъ. Калывали рубить и сѣчь направо и налѣво, не щадя ни ни дѣтей. 10 казаковъ выволокли изъ подвала, что п линомъ. Чичкина, служителя въ бѣломъ фартукѣ и стали жестоко бить, что дворники и тѣ вступились за не Ковалевъ, подъѣхавшій въ это время, любовался этой *Казаки врывались въ частные дома и, сѣкши обыск ками люд[illegible] угрозой смерти требовали выдачи манифеста* женщины были жестоко избиты сперва на улицѣ участкѣ. Мальчикъ 14 лѣтъ былъ такъ[illegible] ранен шашкой городового; полиція выпровождала его изъ у перевязки, не оказавъ даже первоначальной помощи. ко этотъ день было до 150 чел. [illegible] ихъ теперь с Метехскомъ замкѣ 42 человѣка.

„Сообщеніе“ объ всемъ этомъ не говоритъ ни слов

ренiямъ правительства, сами манифестанты были всѣхъ, кто попадался имъ на глаза. Что это ложь и гнусная клевета, видно изъ того, что за исключенiемъ упомянутыхъ двухъ офицеровъ, одѣтыхъ въ военную форму, а потому принятыхъ за враговъ, нѣтъ ни одного изувѣченнаго, или просто избитаго рабочимъ гражданина. Будь это не такъ, полицiя, безъ сомнѣнiя, уцѣпилась бы за такой фактъ для агитацiи противъ насъ.

Мы же, съ своей стороны, можемъ выставить сотни избитыхъ и изувѣченныхъ администрацiей гражданъ.

Помощникъ главноначальствующаго, Фрезе, замѣнявшiй его въ то время, требовалъ преданiя арестованныхъ манифестантовъ военному суду за нанесенiе двухъ офицеровъ, но прокуроръ, къ чести своей, отклонилъ это требованiе, заявивъ, что невозможно установить такую отвѣтственность арестованныхъ. Тогда Фрезе написалъ объ этомъ донесенiе главноначальствующему, и, по настоянiю послѣдняго, Министръ Юстицiи вытребовалъ отъ прокурора все это дѣло къ себѣ.

Пока на арестованныхъ наложены административныя высылки, тюремное заключенiе отъ одной недѣли до 3-хъ мѣсяцевъ, и сверхъ того, относительно нихъ ведется дѣло въ жандармскомъ порядкѣ. Таковы результаты демонстрацiи.

Вотъ уже второй разъ улицы Тифлиса обагряются кровью рабочихъ. Но это обстоятельство еще сильнѣе возбудитъ насъ ненавистью къ врагу, еще тѣснѣе сплотитъ для борьбы съ деспотическимъ царизмомъ и нашъ голосъ еще тверже и громче прокричитъ: „Долой самодержавiе! Да здравствуетъ грядущая революцiя!"

Тифлисъ. Послѣ манифестацiи 23 февраля начались усиленные аресты и обыски. Арестованы 23 и 24 февраля интеллигентъ Джибладзе, Джугели три брата, фельдшеръ Чичуа, Долiеси, Цибадзе, ученикъ Учительскаго Института Лишнiя, ученикъ желѣзнодорожнаго училища, ученикъ художественнаго училища и около 25 рабочихъ. Освобождены фельдшеръ Чичуа, одинъ наборщикъ и одинъ рабочiй. Выпустили прокламацiи „къ гражданамъ", которыя разбрасывались повсюду. Въ армянскомъ соборѣ прокламацiи были переданы одному простолюдину со словами, что это „Патрiаршее благословенiе". Тотъ, не подозрѣвая, выкрикивалъ: „Патрiаршее благословенiе!" и раздавалъ направо и налѣво. Прокламацiи были разобраны и читались съ большимъ интересомъ, очень ужъ любитъ тифлисецъ дарового чтенiе... Въ этотъ же день (вечеромъ) 23 марта въ театрѣ Артистическаго Общества, въ бенефисъ одного изъ любимцевъ тифлисской публики сверху посыпались прокламацiи „Къ гражданамъ". Для администрацiи это было такою неожиданностью, что полицеймейстеръ Ковалевъ и жандармскiй ротмистръ Лавровъ кинулись, исполнять роль театральной прислуги и быстро очистили весь полъ. Въ театрѣ былъ и помощникъ Голицына замѣститель его — Фрезе, который возмутился промедленiемъ, разругалъ администрацiю, — результатомъ чего явилось глубокомысленное совѣщанiе Ковалева и Лаврова: откуда сыплются прокламацiи? Послѣ тщательнаго осмотра зданiя театра рѣшили, что прокламацiи... могутъ являться *только* изъ отверстiя надъ электрической люстрой. Такое геniальное открытiе было принято къ свѣдѣнiю, и администрацiя театра получила предупрежденiе: въ случаѣ появленiя прокламацiй въ театрѣ отвѣчать будетъ она.

Вильно, 29 марта. Гимназисты-евреи (ст. классовъ) нашихъ обѣихъ гимназiй были приглашены на сiонистское собранiе. Послѣднее, происходило на квартирѣ Гольдберга (соучастникъ фирмы „И. Б. Сегаль". сiонистъ-„демократъ"), организатора кружковъ рабочихъ-сiонистовъ. Когда, однако, этой зимой произошла стачка въ магазинѣ „И. Б. Сегаль", онъ съ остервенѣнiемъ, достойнымъ лучшей участи, преслѣдовалъ служащихъ этого магазина и дѣйствовалъ заодно съ полицiей. Объ этой стачкѣ и о роли въ ней Гольдберга, какъ сiониста-демократа, какимъ онъ себя считаетъ, много уже писалось. На этомъ собранiи Г. оправдывался противъ нападокъ, сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ за его поведенiе во время стачки. Каково же было изумленiе гимназистовъ, когда на слѣдующiй день инспекторъ 2-ой гимназiи показалъ двумъ гимназистамъ, говорившимъ противъ сiонизма, чуть ли не дословно записанныя ихъ вчерашнiя рѣчи! Послѣдствiя не замедлили обнаружиться: всѣмъ присутствовавшимъ на собранiи гимназистамъ 2-ой гимн. поставили *тройки* по поведенiю и внесли имена ихъ въ кондуитный журналъ. На одного изъ нихъ, уч. 7-го класса, это наказанiе, равносильное потерѣ всякой надежды увидѣть русскiй университетъ, такъ сильно подѣйствовало, что онъ 26 марта во время большой перемѣны въ гимназiи же выпилъ изрядную порцiю нашатырнаго спирта и изъ страшныхъ мученiй скончался на слѣдующiй день. Фамилiя этого гимназиста — *Боркоръ*.

28-го марта его хоронили. Въ 4 ч. процессiя, сопровождаемая цѣпью конныхъ полицейскихъ, тронулась. За катафалкомъ шли товарищи съ вѣнками (отъ всѣхъ мужескихъ и женскихъ уч. завед.), за ними гимназисты несли гробъ съ покойникомъ весь дальнiй путь. Огромная толпа людей „весь городъ" присоединялась къ процессiи. Пробиралася, конечно, молодежь. Сначала все было благополучно. Прошли часть Завальной, повернули на Троскую, затѣмъ на Нѣмецкую и Большую. Дойдя до Стеклянной, полицiя потребовала, чтобы процессiя повернула на Андреевскую — обычный путь еврейскихъ похоронныхъ процессiй. Но товарищи хотѣли непремѣнно пройти мимо 2-ой гимназiи. Полицiя однако хотѣла непремѣнно настоять на своемъ, такъ какъ по главной части Большой ул. проходить *еврейскимъ* похоронный процессiямъ *безусловно запрещено*)*, и направила катафалкъ къ Андреевской ул., увѣренная, что процессiя послѣдуетъ за катафалкомъ. Но гимназисты продолжали свой путь, не обращая вниманiя на весь этотъ маневръ. Полицiя, не ожидавшая совершенно такого оборота, потеряла голову и бросилася уже прямо къ кладбищу, чтобы тамъ сконцентрировать свои силы. Еврейская похоронная процессiя безъ катафалка (онъ остался позади, почти дѣти, идущее съ такой тяжелой ношей черезъ самую оживленную часть города, огромная толпа людей — все это производило очень сильное впечатлѣнiе. Наше еврейское кладбище расположено не очень живописной мѣстности. Недалеко отъ него дѣ довольно высокiя горы подъ угломъ образуютъ ущелья. И вѣтъ здѣсь то покойника ожидали почести, которыхъ въ Россiи еще никакому еврею никогда не оказывали. Представьте себѣ слѣдующее: впереди полицеймейстеръ Майеръ въ полномъ парадѣ (въ тотъ же день утромъ хоронили какого-то генерала), его помощникъ, его правая рука Снитко и цѣлый сонмъ приставовъ, ихъ помощниковъ, околоточныхъ надзирателей и городовыхъ, а за ними понятые и отрядъ казаковъ съ начальникомъ во главѣ... Процессiя въ удивительномъ порядкѣ идетъ своей дорогой...

Вотъ мы на кладбищѣ. Недъ покойникомъ производятъ послѣдній обрядъ и черезъ полчаса товарищи отдаютъ ему послѣдній долгъ, несутъ его къ „вырытой заступомъ ямѣ глубокой"... Между тѣмъ-казаки, подъ предводительствомъ своего начальника устѣли осмотрѣть поле предстоящей битвы и попритались подъ кусты въ одиночку недалеко отъ могилы... Послѣдняя окружена приставами и полицейскими, за ними громадная толпа, окруженная конными и оханженая казаками... Гробовое молчанiе... Всякая рѣчи запрещены... Канторъ читаетъ молитву и распорядитель по требованiю полицiи обращается къ публикѣ: „погребальный обрядъ кончен, прошу всѣхъ расходиться". Никто не трогается съ мѣста... Такъ простоли минуть десять мѣстѣ надъ могилой, и было что-то торжественное и великое въ этой ихъ своей безмолвiи тишинѣ... Тронулись всѣ вмѣстѣ обратный путь... Опять мирное, торжественное шествiе, сопровождаемое казаками... Такъ спокойно дошли до города и разошлись по разнымъ улицамъ.

Тишь подъ непосредственнымъ впечатлѣнiемъ вчерашней картины, равной которой по своей грандiозности Вильна не видала. Она показала все безсилiе мѣстной власти бо-

*) Такова та „черта оседлости", обезличенная „основными законами", о которой говорится въ царскомъ манифестѣ. Ред.

роться противъ демонстрацiй. Ей пришлось сконцентрировать всѣ свои силы на кладбищѣ, чтобы при первомъ крикѣ: „долой самодержавiе!" или въ этомъ родѣ, броситься на беззащитную толпу и истерзать ее, пользуясь тѣмъ, что спасаться не могло бы быть никакой возможности... А, между тѣмъ, публика, даже не сговорившись (про смерть гимназиста узнали только въ день похоронъ), сумѣла сплотиться въ огромную массу и своимъ безмолвiемъ и спокойствiемъ произвести такое сильное впечатлѣнiе на городъ. И намъ кажется, что такiя „мирныя" демонстрацiи по своему впечатлѣнiю не менѣе сильны, чѣмъ „шумныя"...

Воронежъ. Послѣ погрома 1897 г. до послѣдняго времени здѣсь не велось мѣстной революцiонной работы. Даже широкая волна революцiоннаго движенiя 1900 и 1901 гг. не захватила нашего города. Съ осени 1902 г. картина начала мѣняться: засѣданiя сельско-хозяйственнаго комитета, рѣчи Мартынова и Бунакова, пpiѣздъ Зиновьева, допросы, учиненные имъ земскимъ дѣятелямъ, аресты и высылки нѣкоторыхъ изъ нихъ, — все это внесло оживленiе въ тусклую жизнь нашего города. Въ концѣ ноября вышли прокламацiи образовавшагося мѣстнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. 19-го февраля по городу были распространены прокламацiи с.-рев., а на заводахъ — листокъ соц.-дем. „Кассы Борьбы" (независимой отъ комитета организацiи). 1-го марта „Касса Борьбы" выпустила второй листокъ о терроpѣ къ организованнымъ рабочимъ. Выпускъ каждаго листка вызывалъ оживленные разговоры и споры. Въ дебатахъ принимали участiе даже обыватели, чему не мало способствовала безнаказанность выпусковъ: не было не только арестовъ, но и обысковъ. Однако оказалось, что „живъ курилка". Нашествiе инюдземныхъ (иноплеменныхъ — въ буквальномъ смыслѣ слова, такъ какъ для обысковъ было вызвано много жандармовъ изъ другихъ городовъ) произошло въ ночь съ 14 на 15-ое марта. Обыски производились отъ 3-хъ часовъ ночи до 2-хъ час. дня; возобновились въ ночь съ 15-го на 16-ое, продолжались съ 16 на 17-ое, 17-го вечеромъ были обыски въ суд. земск. управѣ. Изъ всѣхъ мѣстей повыпали шишки, и по очамъ, кромѣ обычныхъ въ это время „отходниковъ" можно было видѣть жандармскихъ офицеровъ, въ сопровожденiи своры полицейскихъ, идущихъ на свой не менѣе грязный промыселъ. Число обысковъ*) установить трудно; во всякомъ случаѣ число ихъ не такъ велико, какъ можно было бы судить по времени, въ продолженiе котораго они производились. По одному выраженiю, жандармы дѣлали обыски — словно „рыбу ловили, закинутъ удочку и ждутъ. Сдѣлаютъ нѣсколько обысковъ, отдохнутъ, поѣдятъ, потомъ снова принимаются, и такъ днемъ, ночью и вечеромъ. Къ нѣкоторымъ приходили два раза. Ночью ничего не находили, придутъ днемъ — кое-что и найдутъ. Арестовано 5 человѣкъ: Ивановъ, Ширкинъ, Арефьевъ, Онисимовъ, Городинцевъ. Всѣ, кромѣ послѣдняго, уже выпущены. Во время обысковъ вызывающе и грубо держалъ себя ротмистръ здѣшняго жандармскаго упр. Федоренко. Полковникъ Глоба велъ по обыкновенiю свою хитрую политику. Этому жандарму удалось заставить симпатiи не только обывателей, но и нѣкоторыхъ либераловъ. Ну еще бы! Дѣлаютъ, напр., по его распоряженiю обыскъ у одного изъ учащихся здѣшнихъ учебныхъ заведенiй. Учебное начальство, послѣ этого, увольняетъ воспитанника. Естественно, не правда ли? Полковникъ узнаетъ объ этомъ и начинаетъ хлопотать о приемѣ ученика обратно, ѣздитъ къ директору, попечителю, и вотъ вамъ тема для разговоровъ въ томъ родѣ, что Глоба служитъ лишь временно, что онъ прекрасный человѣкъ, что онъ удерживаетъ неистовые порывы прочихъ своихъ коллегъ по управленiю и т. п. Однако все это не мѣшаетъ ему дѣлать нѣкоторымъ лицамъ предложенiя о поступленiи, по просту говоря, въ провокаторы. Полковникъ выражался, конечно, болѣе изысканно.

Въ разгарѣ паники, 21-го марта, „Касса Борьбы" выпустила третiй листокъ „къ рабочимъ воронежскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ", по слѣдующему поводу: послѣ ноябрьской забастовки, сопровождавшейся арестами и высылками, въ Тихорѣцкихъ желѣзн. мастерскихъ освободилось много мѣстъ и вотъ начальникъ здѣшнихъ мастерскихъ Безобразовъ предложилъ котельщикамъ отправиться въ Тихорѣцкъ, обѣщая платить вмѣсто 70 к. въ день, которыя они получаютъ здѣсь, — 1 р. 50 к. Благодаря особымъ условiямъ въ выдачѣ заработной платы, полный дневной заработокъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ оказался почти одинаковымъ. Нѣсколько котельщиковъ отправились въ Тихорѣцкъ, но, узнавъ тамъ, въ чемъ дѣло, вернулись обратно. Въ прокламацiи раскрывались орiентiи Безобразова и указывалось на необходимость солидарности среди рабочихъ въ борьбѣ съ произволомъ и капиталистами.

Вологда. Недавно по деревнямъ у крестьянъ произведенъ цѣлый рядъ обысковъ. У нѣкоторыхъ найдена литература. По этому поводу возбужденно дѣло и сдѣланы обыски въ уѣздныхъ городахъ: Грязовцѣ — у бывшаго ученика земледѣльческаго училища и въ В. Устюгѣ — у какого то фельдшера (найдена литература). Оба обысканные привлечены, какъ обвиняемые, хотя и не арестованы. Нелегальная литература производитъ на крестьянъ сильное впечатлѣнiе и читается на расхватъ.

Въ мартѣ вышли приговоры: статистику *Зонову* — 3 г. надзора съ воспрещенiемъ жительства въ губ.: Петербургской, Московской, Полтавск., Таврич., Саратовской (Зоновъ арестованъ въ Вологдѣ въ августѣ 1902 г.) и обвинялся въ хранении и распространенiи литературы; затѣмъ находившимся въ Вологдѣ подъ особымъ надзоромъ студенту *Рихову* (арестованъ въ СПБ. на демонстрацiи 3 марта 1902 г., какъ знаменосецъ и при этомъ сильно избитъ) — 3 г. Вост. Сибири; бывш. моск. студ. Сергѣю *Бобрикову* — 3 г. Витск. губ. и его женѣ Софiѣ Щ ой — 2 г. Вят. губ. (Щербаковы арестованы по москов. соц.-дем. дѣлу. Весной 1901 г. Щербаковъ арестованъ вторично въ Вельскѣ, Волог. г., гдѣ онъ былъ въ ссылкѣ. Противъ него возбуждено было дѣло по обвиненiю въ пропагандѣ среди товарищей по ссылкѣ и рабочихъ. Есть довольно вѣскiя данныя предполагать, что поводомъ къ этому обвиненiю послужилъ доносъ политическаго жесточайшаго *Баранковича* (чиновника изъ Вильны). Если это такъ и не его рукъ дѣло, то во всякомъ случаѣ предупреждаемъ товарищей объ всякихъ сношенiяхъ съ этимъ господиномъ, такъ какъ это личность безусловно сомнительная (теперь онъ, кажется, окончилъ ссылку, которую послѣднее время отбывалъ въ Астраханi). По этому же вельск. дѣлу обвиняется рабочiй *Вотюченiч*, ссылаемый въ Вельскъ по вилейскому дѣлу; ему теперь тоже вышелъ приговоръ — внѣшнее по наказанiю предварительное заключенiе (4 мѣсяца).

Появленiе манифеста вызвало среди вологодскихъ крестьянъ оживленные толки, одинъ другого нелѣпѣе. Въ одномъ селѣ попъ читалъ манифестъ въ церкви впродолженiи 1½ часа и ни онъ самъ, ни его слушатели ничего не поняли. Одни говорили, что наслѣдникъ родится, другiе — что будетъ война, третьи, что земли прирѣжутъ, а четвертые, что „купчую землю у крестьянъ отнимутъ, потому, значитъ, по нонѣшнимъ временамъ простому человѣку хода не дадутъ". Среди обывателей Вологды манифестъ вызвалъ своей неопредѣленностью и комичнымъ тономъ то же недоумѣнiе: въ общемъ почти никто ничего не понялъ, вышесли только впечатлѣнiе, что въ нашемъ отечествiе что-то неладно.

Недавно черезъ вологодскую тюрьму прошли трое сосланныхъ въ Вологодскую г. рабочихъ: Карлъ *Гонце* (изъ Варшавы), *Меховичъ* (изъ Нижняго) и *Спунниковъ*. При отправленiи партiи Медѣлевъ повздорилъ съ конвойными, за что они заковали его въ кандалы, а такъ какъ онъ сопротивлялся, то избили. Все это происходило на тюремномъ дворѣ на глазахъ уголовныхъ арестантовъ.

Въ Вологду на 4 года прибылъ этапомъ и тоже въ кандалахъ бывшiй рабочiй Александровскаго завода въ Петербургѣ Иванъ *Прыснковъ*. Онъ былъ арестованъ въ сентябрѣ 1902 г. въ Калужской губ. за пропаганду среди крестьянъ. Когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ г. Жиздрѣ, съ нимъ произошелъ слѣдующiй инцидентъ. Въ камеру къ нему явился посѣтившiй Жиздру калужскiй губернаторъ и сталъ его убѣждать, что негодится читать запрещенныя книжки и сидѣть за это въ тюрьмѣ. Прыснковъ отвѣтилъ на это: „Вы виноваты въ томъ, что я попалъ сюда. Если бы вашъ братъ — начальство не грабили да не обманывали народъ, то мнѣ не надо бы было вести пропаганды". Никогда, повидимому, не слыхавшiй такой смѣлой рѣчи губернаторъ выскочилъ изъ камеры какъ ошпаренный и закричалъ: „Онъ сумасшедшiй! Его надо лѣчить! Развѣ можно больныхъ держать въ тюрьмѣ!" На другой день Прыснякова отправили въ Калугу въ психiатрическую лечебницу, гдѣ онъ и пробылъ два мѣсяца.

Извѣстны слѣдующiе приговоры. *Хавскому*, земледѣлу 5 л. Вост. Сибири (арест. въ. Петерб. лѣтомъ 1901 г. по дѣлу о террористическомъ сообществѣ); рабочему *Солдатову* по батумскому дѣлу 1902 года — 5 лѣтъ Арханг. губ.; портнихъ *Булатовой* по нижегор. соц.-дем. дѣлу 1901 г. — 3 года Волог. губ.; *Дрегеру*, рабочему изъ Варшавы — 3 г. Волог. г.; бывш. студенту духовной академiи *Синайскому* по орловскому соц.-дем. дѣлу 1902 г. — 3 г. Волог. губ.; Ивану *Серебрякову* по дѣлу харьковск. соц.-дем. комитета — 3 г. Волог. губ.

*) Обыски были почти исключительно среди учащейся молодежи, преимущественно среди учениковъ и учениць здѣшнихъ фельдшерскихъ школъ.

СОБЫТIЯ ВЪ ФИНЛЯНДIИ.

Обозрѣватель событiй въ Финляндiи нерѣдко просто терпится передъ обiльемъ матерiала, доставляемаго ему лихорадочной дѣятельностью жалкаго Николая II, или вѣрнѣе, его достойныхъ сподвижниковъ. Послѣднiе, чуя приближенiе конца своего преступнаго хозяйничанiя, торопятся ничего не упустить и тѣмъ увеличить свою и такъ уже безпредѣльную виновность, когда они раньше или позже очутятся на скамьѣ подсудимыхъ передъ своимъ грознымъ судьей — представителями всего русскаго народа.

2-го апрѣля (нов. ст.) царю „благоугодно было" созвать уважаемаго и любимаго профессорами и студентами вице-канцлера гельсингфорскаго университета извѣстнаго ученаго Т. Рейна, которому, какъ извѣстно читателямъ (см. № 33 „Искры"), было въ январѣ предложено подать въ отставку, отъ чего онъ вполнѣ справедливо отказался. Онъ пришелся не по вкусу Плеве, — „канцлера" университета, — за то, что онъ не согласился принять какiя-либо мѣры по отношенiю къ студентамъ, отказавшимся подчиниться царскому „закону" о воинской повинности, и вообще не способствовалъ какимъ-либо безаконiямъ. На его мѣсто назначенъ одинъ изъ главарей консервативной, оппортунистической старо-фенноманской партiи проф. Данielьсонъ, особенно угодившiй русскому правительству своими брошюрами и статьями изъ главнаго органа этой партiи „Uusi Suometar", въ которыхъ онъ со свойственной старо-фенноманамъ недальновидностью говорилъ о необходимости подчиненiя новой политикѣ, о вредѣ пассиваго сопротивленiя и т. под. Когда-то этотъ самый Данielьсонъ въ своихъ, дѣйствительно, цѣнныхъ научныхъ произведенiяхъ горячо полемизировалъ съ пiонерами обрусѣнiя Финляндiи. Не трудно предвидѣть, куда направляется новый курсъ по университетскому вопросу въ Финляндiи. До сихъ поръ финляндскiе студенты, пользующiеся, подобно заграничнымъ, всѣми благами академической свободы, не имѣютъ никакого понятiя о „студенческихъ безпорядкахъ". Плеве, видимо, хочетъ явиться просвѣтителемъ ихъ въ революцiонномъ духѣ. Студенты грандiозными, единодушными овацiями и чествованiями своего бывшаго начальника показали всю свою любовь къ нему. Проф. же Данielьсонъ еще въ февралѣ получилъ строгое предостереженiе, подписанное 87 университетскими преподавателями, приглашавшими его слѣдовать по стопамъ предшественника, отличавшагося истинной гуманностью, патрiотизмомъ и преданностью конституцiи. Насколько русскимъ опричникамъ подчасъ бываетъ стыдно прибѣгать къ подобнымъ подвигамъ, доказываетъ продолжительное замалчиванiе „Фин. Газ." отставки вице-канцлера, про предстоящiй *добровольный* уходъ котораго она нѣсколько времени тому назадъ усердно распускала желтые слухи.

Въ прошлой статьѣ мы сообщали о разгромѣ выборгскаго и вазаскаго губернаторствъ, по увольненiи чиновъ первато въ внушительныхъ выраженiяхъ, внесенныхъ въ протоколъ засѣданiя, протестовали противъ произвола. Какъ суды, они, по финляндскимъ законамъ, несправедливо безъ законнаго приговора суда. Въ видѣ протеста немедленно подали въ отставку пять членовъ того же гофгерихта.

Всѣ усилiя русскихъ властей и финляндскаго сената, какъ мы уже знаемъ, направлены на проведенiе новаго „закона" о воинской повинности. Между прочимъ, главное финляндское управленiе по дѣламъ печати еще въ январѣ разослало циркулярно опубликованный на дняхъ въ „Fria Ord" секретный циркуляръ, въ которомъ предписывается не пропускать никакихъ извѣстiй относительно воинской повинности, имѣющихъ цѣлью „вести пропаганду въ видахъ пассиваго сопротивленiя", т. е. сообщающихъ объ отказахъ подчиненiя курсоватскимъ извѣстiю. Всѣ же извѣстiя противоположнаго характера цензоры должны разрѣшать печатать. Не логично-ли, на самомъ дѣлѣ? Упомянутое учрежденiе со своимъ начальникомъ-идiотомъ Кронгельмомъ во главѣ доходитъ иногда съ своимъ рвенiи до любопытнѣйшихъ курьезовъ. Вотъ нѣкоторыя статистическiя данныя, свидѣтельствующiя объ усилiи жандармовъ-цензоровъ за 1902 г.: прекращено навсегда и временно приостановлено 13 газетъ, „управленiемъ" объявлено 16 предостереженiй, генералъ-губернаторомъ 5; запрещено отчасти или всецѣло 16 книгъ финляндскихъ авторовъ и 104 иностранныхъ; конфисковано 7.986 отдѣльныхъ нумеровъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. За первые три года бобриковскаго разбоя цензурныя кары были еще значительнѣе. Гоненiя на пользовавшуюся до того времени сравнительной свободой периодическую прессу вызвали возникновенiе и свободное распространенiе свободной оппозицiонной, такъ наз. „нелегальной" печати, о которой раньше никто въ Финляндiи не имѣлъ никакого представленiя.

Безцеремонный грабежъ финскаго народа начался съ водворенiя Бобрикова въ Финляндiи. На дняхъ послѣднему удалось добиться отъ царя значительнаго увеличенiя жалованья финляндскихъ губернаторовъ: въ трехъ губернiяхъ оно повышено до 24.000 марокъ, а въ остальныхъ до 22.000 мар., черезъ 5 и 10 лѣтъ оно будетъ увеличено на 10%. Русскимъ помалкивать, видимо, хочется жить въ свое удовольствiе на финляндскiя деньги. Независимо отъ этого постоянно усиливался штатъ канцелярiи генералъ-губернаторства и пр. Бобриковъ, однако, не позабываетъ награждать и покорныхъ сенаторовъ: по его предложенiю, сенату поручено составить проектъ увеличенiя сенаторскихъ жалованiй. Царь, видно, щедръ на награбленныя имъ народныя деньги. На дняхъ сенатъ получилъ проектъ ежегоднаго ассигнованiя изъ финляндской казны средствъ въ общегосударственное казначейство на военные расходы. Разнѣрзъ этой суммы будетъ впредь опредѣленъ министромъ финансовъ, министромъ-статсъ-секретаремъ Финляндiи (Плеве) и финляндскимъ сенатомъ. Подобный проектъ былъ категорически отклоненъ чрезвычайнымъ сеймомъ 1899 г., теперь онъ осуществляется административнымъ, слѣдовательно, и [illegible] путемъ. Недавно, по царскому повелѣнiю, [illegible] усилены средства на содержанiе гельсингфорской полицiи.

Этой мѣрой [illegible]ки надѣются успѣшно противодѣйствовать „крамолѣ". [illegible]

Съ [illegible] все нагляднѣе и нагляднѣе становится деморализованная [illegible] годы финляндская полицiя, находящаяся подъ особымъ [illegible]ль [illegible] царскихъ клуевъ (см. № 36). Въ ночь [illegible]1-ое [illegible] арестовали [illegible] повода былъ самымъ коварнымъ образ[illegible] насильно оставленъ въ участковомъ домѣ, изъ кафе онъ вдвоемъ [illegible] полицейскаго комиссара, его со связанными [illegible] [illegible]учные

оковы руками бросали въ темную камеру, гдѣ онъ пролежалъ до слѣдующаго утра. Въ 8 часовъ ему развязали сильно распухшія руки, но его снова заперли безъ пищи и питья въ той же камерѣ, и, наконецъ, въ 4½ часа пол. комиссаръ-самодержецъ смилостивился и отпустилъ узника, объяснивъ ему, что онъ былъ арестованъ за „оскорбленіе при исполненіи обязанности комиссара, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей полиціи и чести формы". Этотъ „блюститель порядка" угрожалъ при этомъ привлеченіемъ къ отвѣтственности „виновнаго". На самомъ же дѣлѣ все „оскорбленіе" сводилось къ тому, что пьяный комиссаръ хотѣлъ во что бы то ни стало въ кафе облизаться съ незнакомымъ ему адвокатомъ, который оказалъ ему отпоръ. Вотъ до какой степени злобная полицейская полная безнаказанность, гарантируемая ихъ осеннимъ указомъ. Пострадавшій могъ бы подтвердить свою жалобу показаніями двухъ свидѣтелей, но привлеченіе къ отвѣтственности комиссара допустить привлеченіе его къ суду.

Въ г. Ганге недавно учреждена полицейская камера. Въ началѣ марта (нов. ст.) сильно подгулявшій секретарь полиціи; желая паспорта эмигрантовъ передъ отходомъ парохода, вдругъ безъ всякой причины пришелъ въ ярость и началъ рвать паспорта. Дѣлу не помогло и вмѣшательство бургомистра, и многіе пассажиры приплось поэтому отложить свое путешествіе. Паспорты, между тѣмъ, были выданы по всѣмъ правиламъ, при чемъ было соблюдено даже и недавнее стѣснительное распоряженіе сената объ ограниченіи срока паспорта юношамъ, не отбывшимъ еще воинской повинности. Недѣлю спустя при отходѣ парохода повторилась подобная же исторія лишь съ той разницей, что полиція задержала по-просту паспорты нѣкоторыхъ пассажировъ, несмотря на то, что они были выданы подлежащими губернаторами. Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ объ эмиграціи. Въ № 33 мы приводили статистическія данныя по этому вопросу. Главная причина ужасной эмиграціи — царскій разгромъ Финляндіи и въ частности новый „законъ" о воинской повинности. Всѣ истинные и вліятельные финляндскіе патріоты всѣмъ стараются удержать деревенскую молодежь, нагрѣваемую ихъ любовью къ родинѣ. Между тѣмъ „Фин. Газ." имѣетъ нахальство увѣрять, что „злонамѣренные агитаторы" насильно посредствомъ обмана увозятъ изъ Финляндіи эту молодежь, желая, якобы, напугать русское правительство.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

С.-Петербургъ. 17 марта (по вторникъ) рабочіе фабрики тов. Механич. производства обуви (СПБ. Заставная, 15) прекратили работу вслѣдствіе пониженія расцѣнковъ 50% (при разговорѣ съ рабочими одинъ изъ директоровъ мотивировалъ пониженіе хозяйственными соображеніями). Первая забастовала въ три часа дня отдѣлочная мастерская, гдѣ большинство рабочихъ мужчины: они пробѣгли въ другія мастерскія и вездѣ остановили работы. Въ 4 часа было прислано 50 казаковъ. Рабочіе разошлись. На другое утро женщины взялись за работу, но мужчины набросились на нихъ съ крикомъ „ура". Мастера грозили, что въ случаѣ отказа взяться за работу по указаннымъ расцѣнкамъ правленіе вышлетъ заграничныхъ рабочихъ. Раздраженные рабочіе начали бить мастеровъ и одного избили довольно сильно. Въ среду рабочіе собрались на фабрику, но за работу не взялись. Объявился фабричный инспекторъ и, выслушавъ требованія, заявилъ, что они не будутъ удовлетворены. Рабочіе заявили, что въ такомъ случаѣ они не будутъ работать. Въ тотъ же день градоначальникъ приказалъ выдать имъ разсчетъ. Отъ предложеннаго разсчета молодые рабочіе отказались, равно какъ отказались отъ немедленной денежной помощи со стороны рабочей организаціи. 26 марта забастовщики разсчитаны. Начальникъ мастерскихъ СПБ. Варш. жел. дор., Конькевъ, привлекъ къ себѣ рабочихъ по 2-3 человѣка изъ малярнаго отдѣленія (за входящимъ сторожъ запиралъ дверь на ключъ) и сообщалъ имъ „по секрету, что будутъ понижены расцѣнки, въ виду массы безработныхъ и желанія увеличить контингентъ рабочихъ мастерскихъ. Другихъ отдѣленій пока не трогали. Пониженны расцѣнки на Обуховскомъ заводѣ.

Тверь. Мануфактура Морозовыхъ — это цѣлый городокъ. На ней работаетъ до тысячи рабочихъ. Для нихъ выстроены громадныя казармы. Есть больница. Есть прекрасная школа, большая библіотека съ читальней, которой могутъ пользоваться рабочіе. Есть чайная съ театромъ, вмѣщающимъ до 1500 зрителей, лучшимъ въ городѣ. Наконецъ, подъ руководствомъ извѣстнаго дѣятеля по народному образованію Вахтерова, уже второй годъ функціонируетъ торговая школа. Всѣ эти учрежденія возникли на средства Морозовыхъ. Денегъ не жалѣли: всѣ они устроены въ большомъ масштабѣ и вполнѣ доступны рабочимъ. „Чего же лучше?" скажетъ, можетъ быть, иной просвѣщенный и гуманный „другъ рабочаго класса". А все же не даромъ отвѣтитъ ему знающій поближе дѣлишки дѣла скептикъ. Такъ, Сумбатовъ для своей пьесы „Джентльменъ" выбралъ прототипомъ одного изъ совладѣльцевъ фабрики Ивана Абрамовича Морозова. Недаромъ въ Твери не удается поставить этой пьесы: ибо администрація фабрики скупаетъ всѣ билеты.... Какъ подъ внѣшнимъ лоскомъ культурнаго европейца въ Сумбатовскомъ городѣ мрачо азіатской дикости, такъ и весь блескъ образовательныхъ учрежденій „Тверской мануфактуры" не мѣшаетъ разглядѣть картину грубѣйшей эксплуатаціи, практикуемой фабричной администраціей. — возмутительныхъ порядковъ, со сознательно подержаемыхъ!... Вотъ подлинное письмо рабочаго о порядкахъ *прядильно* отдѣленія: „директоръ Иванъ Семеновичъ Балашовъ сбавилъ расцѣнокъ до такой степени, что хватаетъ только на самое скудное содержаніе. Помощникъ директора Баликовъ слѣпой въ очкахъ, но въ тоже время очень хорошо видитъ и разглядываетъ тѣ книги, по которымъ рабочіе вызываются за норму утка и поломку машинъ, хотя бы это и произошло не по винѣ рабочихъ, и очень щедро штрафуетъ ихъ за это рублями и полтинниками. Мастеръ Рудольфъ Гунцигеръ, пузатый и обрюзглый, какъ сосновый пень. Съ рабочими обращается очень ужасно, напр., прядильщиковъ, первыхъ и вторыхъ мальчиковъ ругаетъ самыми отборными площадными словами, а ставильщиковъ бьетъ, когда къ нему кто приходитъ по какому либо дѣлу. Притомъ имѣетъ заболѣвшихъ рабочихъ въ запискахъ (не выдаетъ записокъ) для отпуска въ больницу.

Если рабочій пришелъ въ сортиръ да застанетъ его мастеръ, то онъ — или обругаетъ или отдуетъ, а то запишетъ его къ директору или его помощнику. Эти два негодяя штрафуютъ безпощадно. Нѣтъ никакихъ очередныхъ книгъ для переводки рабочихъ, когда они съ низшей должности переводятся на немного высшую. Этой переводкой занимаются мастера: Зарайскій, Сидоровъ, Плевна. Вотъ эти то наушники Гунцигера и занимаются при переводкѣ рабочихъ обирательствомъ чистыми деньгами и вещами. Ни одинъ рабочій, начиная со ставильщика не пощадятся, пока этимъ наушникамъ не пропоютъ 5-6 руб. Не проработаетъ онъ и 2-хъ часовъ, какъ является къ нему второй сортъ наушниковъ, — подмастерья, напр., Цыганъ, Николошкинъ и др. предлагая бить стѣсненія обычное, вошедшее въ законную силу, выраженіе: „нельзя ли смазать, а то заскрипитъ?", и рабочему волей-неволей приходится пропихать имъ этимъ 1-2 руб.

Прядильщикъ не уходитъ изъ рукъ даже шорника, такого же рабочаго, какъ и онъ самъ. Если шорникъ получитъ водку, то поставитъ на станокъ новый ремень, а если нѣтъ — придется работать старымъ, который рветься черезъ каждыя двѣ смѣны. Машины разбиты и часто разлаживаются. За простой не платятъ, а подмастерье безъ водки налаживать не придетъ.

Жалобъ же отъ рабочихъ на подмастерьевъ и мастеровъ не принимается. Куда ни пряди рабочій — къ директору, помощнику или мастеру, — вездѣ онъ слышитъ одно и тоже: „у меня такъ есть люди, они распоряжаются". И все идетъ по старому. У ткачей дѣла обстоятъ не лучше. Пользуясь угнетеннымъ положеніемъ рынка и угрожая увольненіемъ, фабричной администраціи удалось сильно понизить расцѣнки противъ того уровня, который былъ достигнутъ стачками еще при старомъ директорѣ Алянчиковѣ. Осенью Балашовъ еще урѣзалъ заработокъ на 3-5 руб. въ мѣсяцъ. Не брезгаютъ грабить ткачей изподтишка, напр., перезѣзжая наборныя колеса или называя данный сортъ товара именемъ другого, хуже оплачиваемаго. Усердная исполнители онъ нашелъ въ лицѣ мастера Федора Маркова. Но его инициативѣ прекращенъ отпускъ ткачей въ предпраздничные дни и стали штрафовать за разные поступки, за которые прежде не штрафовали.

За время кризиса вмѣстѣ съ экономическимъ благосостояніемъ ухудшилось и правовое положеніе рабочихъ Морозовской фабрики. Въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года противъ желанія комитета и организованныхъ рабочихъ прядильщики устроили стачку. Она была проиграна отчасти потому, что полиція прибѣгла къ выселенію стачечниковъ изъ хозяйскихъ квартиръ. Вообще, наши опричники усердно, но неудачно разыскиваютъ крамолу, которая свила себѣ, повидимому, прочное гнѣздо среди морозовскихъ рабочихъ. Было нѣсколько арестовъ, до 40 обысковъ, ничего не давшихъ. Дѣлались повальныя обыски въ казармахъ. Наушниковъ и добровольныхъ шпіоновъ, старающихся выслѣдить связи комитета, развилось пропасть; таковъ мастеръ Любашевъ, усердно рыскающій по портернымъ и готовый — по собственнымъ словамъ — въ случаѣ надобности сдѣлаться „соціалистомъ до послѣдней крайности".

Либава, 27 марта 1903 г. Недѣлю тому назадъ, въ ночь съ 20 на 21 марта, Либава была точно обсыпана прокламаціями на латышскомъ, русскомъ и еврейскомъ языкахъ, въ размѣрѣ одной тысячи. И на углахъ улицъ, по дворамъ и — что самое главное — въ фабрикахъ и мастерскихъ, гдѣ онѣ произвели столь большое впечатлѣніе, въ особенности латышскія, которыя были отдѣланы печатнымъ шрифтомъ, чего либавцы еще не запомнятъ. Прокламаціи распространялись на слѣдующихъ заводахъ: въ проволочномъ заводѣ (1300 раб.), въ Либаво-Роменской желѣзнодорожной мастерской (600 раб.), въ маслобойнѣ (300 раб.), въ линолейномъ заводѣ (100 раб.), въ паровой мельницѣ Берента, жестяной фабрикѣ Бдегерта и въ цѣломъ рядѣ другихъ мастерскихъ. Полиція и жандармское управленіе совсѣмъ остервенѣли по поводу этого. Городовые только тѣмъ и занимались съ 4-хъ часовъ утра, что срывали и руками, и ножами, и зубами приклеенныя прокламаціи. Уже на слѣдующій день ходила масса переодѣтыхъ жандармовъ и верховыхъ городовыхъ, ожидая, не случится-ли что-нибудь снова. Приказано околоточнымъ надзирателямъ до двухъ часовъ ночи обходить свои участки: они слѣдятъ за квартирами подозрительныхъ политическихъ и даже у ихъ оконъ подслушиваютъ разговоры. Такимъ образомъ, распространеніе прокламацій удалось очень хорошо: такъ, напримѣръ, въ Либаво-Роменской желѣзнодорожной мастерской вѣдь удалось прочесть разклеенныя прокламаціи. Радуются тому, что основался комитетъ, вѣдающій нужды рабочаго класса.

Происходили и ничего незначущіе аресты: арестовали одного литовца въ желѣзнодорожной мастерской за чтеніе прокламаціи, онъ освобожденъ послѣ пары дней; кромѣ того, въ циркѣ, гдѣ опять частное лицо 22-го марта разбросало пачку прокламацій, задержали сына одного либавскаго буржуа за чтеніе прокламаціи, упавшей передъ его носомъ. Жандармы сдѣлали „допросъ и толстовцу" Ландеру, обвиняя его въ томъ, будто бы прокламаціи составилъ онъ, что онъ продолженіе того письма, которое онъ написалъ Бекеру еще до устройства въ честь его манифестаціи. У страха глаза велики. Говорятъ, что было арестовано пять человѣкъ, которые въ настоящее время опять освобождены.

Астрахань Минувшая зима для нашего сравнительно съ водными транспортомъ рабочаго населенія была временемъ особенно жестокимъ. Съ закрытіемъ навигаціи, когда пароходы длинной лентой вытянулись вдоль береговъ уснувшей на зиму рѣки, для пароходныхъ „рабочихъ рукъ" началась страда зимняя — ремонтъ судовъ. Масса безработныхъ хлынула въ пунктамъ зимней наемки. Счастливцы закабалились на условіяхъ, продиктованныхъ хозяевами (даже умѣлые слесари становились „не рядовыми"). Скоро механическіе заводы, утроивающіе и учетверяющіе на зиму свои рабочіе составы, заклепочули ворота передъ ищущими „хозяина". Прекратилась наемка и у болѣе мелкихъ судовладѣльцевъ, работающихъ чужими руками на открытомъ воздухѣ, и на мѣстной биржѣ все еще оставалась толпа изголодавшагося люда. „Народъ рощаетъ" такова была единодушный отзывъ близкихъ наблюдателей. „Житъ нечѣмъ, суда нѣтъ, работы нѣтъ" — „Да, это такъ, но дѣлать что же?" „А что? Камни скоро будемъ выворачивать и пойдемъ на богачей". Слышались первые смутные отклики народной борьбы, чувствовались напряженное ожиданіе и искапе...

Прошла зима... Никакихъ серьезныхъ „оказательствъ" народнаго движенія не наблюдалось: но сердитое народное настроеніе царскіе слуги хоть однимъ ухомъ, видно, уловили. И вотъ выписываются тысячи экземпляровъ книжки небезызвѣстнаго генерала Богдановича „Русскому народу на Вѣчную память". снабженной на 1-ой страницѣ пастырскимъ благословеніемъ Іоанна Кронштадскаго. Началась патріотическая выучка съ рабочихъ: какъ Нобель. 26 февраля въ неурочное время раздался свистокъ. Рабочіе были собраны вмѣстѣ и передъ ними предсталъ нѣкій „членъ общества хоругвеносцевъ" Ширяховъ (конторскій служащій общ. „Кавказъ и Меркурій"). Раздали брошюры предшествовало краткое „слово", чрезъ недѣлю вышедшее въ видѣ печатнаго листка. Брошюры увѣряетъ ораторъ, онъ получилъ „отъ его Пресвѣтлости Е. В. Богдановича, которому де поможетъ Богъ (и казна) издавать такія назидательныя брошюры". Окончивъ свое „назидательной" генеральской „любовной памятью" должно, по мнѣнію хоругвеносца, отшибить у рабочихъ память на всѣ униженія и муки, которыми награждали ихъ нынѣшніе хозяева жизни, и научитъ ихъ „повиноваться властямъ и не вдаваться въ распространеніе мятежей лживыхъ людей, которые всѣми мѣрами стараются совратить съ пути темный народъ". „Бѣда вамъ, если посмѣете требовать и добиваться силой" — кричитъ рабочимъ рѣзчикъ Ширяховъ — „вопіете въ руки правосудія за свои неправомыя дѣла, за что вѣдь должны нести кару законную, утвержденную вселѣнскимъ монархомъ нашего". Рабочіе „могутъ легко своего достигнуть" — ежели будутъ кланяться у механика, начальника завода, либо „въ крайнемъ случаѣ" у фабричнаго инспектора. Стара побасенка! Ихъ ами, чай, кланяли! Ника Милуша — тотъ „всегда старается умиротворить свою страну"... разъ ему, государь, приятно, чтобъ были смуты! чего ужъ проще! — напѣвать на начальниковъ", и „будемъ трудиться во всѣхъ своихъ дѣлахъ, кому что предназначено (кому пахать и сѣять, кому кушать) и тогда все будетъ хорошо" — тому, кому и пить недурно и смирно... и да будетъ съ нами Богъ"... попы, полицейскіе кулаки и такія хозяйскія лапы. Аминь! О значеніи этой затѣи на слушателей даетъ понятіе исторія благодарственной телеграммы Богдановичу. Предложеніе отправить телеграмму было встрѣчено молчаніемъ. Когда вопросъ былъ поставленъ ребромъ, нѣсколько разрозненныхъ голосовъ отвѣтили: „согласны". большинство опять молчало. Были еще разъ собраны рабочіе, на этотъ разъ предсталъ передъ ними заводскій инспекторъ съ готовой телеграммой въ рукахъ. Снова вопросъ о согласіи и еще разъ молчаніе большинства. На уклончивое массивное сопротивленіе навязываемой мерзости пока еще хватило и того смутнаго чувства протеста, которое успѣло проникнуть въ рабочую массу отсталаго района. Не хватило его на болѣе рѣшительную защиту своей чести: на слѣдующій день „собирались къ рабочимъ съ требованіемъ подписать текстъ телеграммы, и насколько знаемъ, не посмѣть отказаться ни одинъ". Были брошюрки и рабочимъ общества „Кавказъ и Меркурій".

Прокоповскій рудникъ (близъ Юзовки).

Углепромышленники и ихъ агенты (директора, управляющіе) преслѣдуютъ единственную цѣль — разсчетъ. Во обузданіе и подборъ служащихъ на рудникахъ, отношеніе къ полиціи и инспекціи и т. д. Для достиженія ея всѣ средства хороши, начиная отъ удаленія служащихъ, которые не могутъ всякаго проникнуться этою цѣлью, вплоть до подкупа. Расходы, потребныя на это, считаются производительными — шахтеръ опутанный со всѣхъ сторонъ, оплатитъ ихъ сторицею. И, какъ мы видимъ, разсчетъ этотъ вполнѣ правиленъ. Служащіе на рудникахъ доходятъ до полнаго обезличенія и готовы дѣлать все, что имъ прикажутъ. На касаясь при этомъ инженеровъ, штейгеровъ и пр. (какъ отзывается ихъ угодливость и усердіе на шкурѣ рабочихъ, всякому шахтеру извѣстно). Я приведу два примѣра изъ дѣятельности рудничныхъ врачей. Такъ, на чеботовскомъ рудникѣ, когда увѣчный рабочій обратился къ врачу рудника Я. С. Гуровичу съ просьбой выдать ему свидѣтельство, тотъ отвѣтилъ буквально слѣдующее: „пожалѣй меня, голубчикъ; выдамъ я тебѣ свидѣтельство, меня съ рудника прогонятъ, обратись къ другому". Его преемникъ на томъ же рудникѣ Аксюкъ оказался еще подлѣе. Въ прошломъ году онъ выписалъ изъ больницы 4-хъ рабочихъ, получившихъ увѣчье на работѣ и при томъ недолѣченныхъ (экономія въ харчахъ?)). Калѣки отказываются уходить прежде, чѣмъ имъ будутъ выданы свидѣтельства. Аксюкъ велѣлъ вынести ихъ изъ койки и больные валяются на полу. На слѣдующій день онъ лишаетъ ихъ пищи. — Больные голодаютъ цѣлыя сутки. Наконецъ, врачъ приглашаетъ урядника и калѣкъ удаляетъ изъ больницы. И только послѣ вмѣшательства инспекціи (по заявленію рабочихъ) ихъ требованія болѣе или менѣе удовлетворяются. Но и этой угодливости для углепромышленниковъ недостаточно, не у всѣхъ вѣдь такъ много усердія, какъ у Аксюка. Они стараются заинтересовать служащихъ матеріально въ условной эксплуатаціи шахтеровъ (прибавкой жалованія, процентами). Проценты инженерамъ и штейгерамъ назначаются отъ увеличенія добычи угля и отъ удешевленія его стоимости. Какъ это отражается на шахтерѣ (не говоря уже о понижеміи платы, сокращеніи числа рабочихъ, обременіи оставшихся и т. д.) свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что число несчастныхъ случаевъ на шахтѣ вездѣ за назначеніемъ премій, такъ, гдѣ ихъ раньше не было, сразу и быстро растетъ (экономія на стойкахъ и пр.). Въ особенности это наблюдается тамъ, гдѣ рабочіе застрахованы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нѣтъ и того задерживающаго стимула, что придется расковеркивать въ пользу увѣчныхъ. Перейдемъ къ полиціи. Начальникъ Таганрогскаго округа Кадниковъ имѣетъ съ своимъ помощникомъ занимается торговыми операціями. Онъ покупаетъ десятками тысячъ пудовъ уголь на рудникахъ и ему, какъ начальнику, дѣлается скидка въ 2-3 коп. съ пуда противъ рыночной цѣны угля, и этотъ уголь продаетъ на заводы вчетверо его округа по цѣнѣ копѣйки на дѣ выше рыночной цѣны; такимъ образомъ, каждый пудъ угля дастъ ему 4 коп. чистаго барыша, что при десяткахъ тысячъ пудовъ составляетъ порядочную прибавку къ жалованью и процентъ къ безпрѣчнымъ доходамъ. Подвѣдомственные начальнику округа полицейскіе чины — заѣздатели, надзиратели, урядники и пр. поступаютъ уже гораздо проще: они ежемѣсячно отъ заводовъ и рудниковъ получаютъ жалованье и въ полученіи такового расписываются и съ ними уже проще поступаютъ; имъ платятъ и говорятъ приблизительно слѣдующее: „смотрите, никакихъ затрудненій руднику не причинять, соръ изъ избы не выносить, а то жалованья лишу и начальнику округа сообщу; онъ васъ уберетъ.

Теперь нѣсколько словъ о прочихъ правительственныхъ чиновникахъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ горному дѣлу — горной и врачебной инспекціи. Во главѣ горной инсп. Обл. В. Дон. стоитъ начальникъ юго-вост. горнаго управленія генералъ Вагнеръ. Онъ имѣетъ въ своихъ помѣстьяхъ дубовые лѣса и поставляетъ на крупные рудники „въ вѣренной" ему области (напримѣръ, екатерин. горнопром. общество, иначе — рудникъ Буроса) дубовыя стойки для крѣпленія въ шахтахъ. Стойки его не всегда имѣютъ установленные размѣры, но, „высосавъ лѣсовъ Вагнеръ уже безпрепятственно идутъ въ шахты, а тамъ что Богъ дастъ, можетъ и не будетъ обвала; а если и задавитъ 2-3 человѣка — не бѣда, новые на ихъ мѣста найдутся. Начальникъ южн. горн. управленія Зеленцовъ будетъ еще чище. Онъ беретъ „хабаръ" въ неприкрытомъ видѣ, и нерѣдко дѣлаетъ внушеніе подвѣдомственнымъ ему чинамъ горной инспекціи: „никакихъ дѣлъ съ углепромышленниками не возбуждать". Наблюденіе за санитарнымъ состояніемъ рудниковъ (въ таганрогскомъ округѣ) лежало на окружномъ врачѣ Ивановѣ. Инспектируетъ онъ такимъ образомъ. Пріѣзжаетъ на рудникъ, ходитъ по балаганамъ, нюхаетъ въ отхожихъ мѣстахъ и помойныхъ ямахъ и всюду находитъ вопіющія безобразія, — до тѣхъ поръ, пока не получитъ такъ наз. „прогонныхъ". Такъ было, напримѣръ, въ прошломъ году въ франко-русскомъ обществѣ. Былъ Ивановъ съ „комиссіей" и инженеръ Максимовъ все время увивался около него и хватался за свой карманъ, ожидая благопріятнаго момента. Наконецъ, комиссія уѣхала ни съ чѣмъ, но Максимовъ выжидалъ, когда Ивановъ сѣдетъ на свою коляску и, подбѣжавъ, сунулъ ему въ руки пакетъ. Ивановъ сказалъ: „Вотъ, ваше превосходительство — вамъ прогонныя". — „А еще не ваше превосходительство, да и прогонныя отъ васъ получаю". — „Ну а это, пожалуйста, отъ насъ". — „Благодаро". и при этомъ Ивановъ положилъ пакетъ къ себѣ въ карманъ (этотъ Ивановъ недавно получилъ повышеніе, — назначенъ областнымъ врачомъ Уральскихъ заводовъ и тамъ уже, какъ первое лицо въ своемъ вѣдомствѣ, вѣроятно, сыграниваетъ свои поборы на болѣе правильныхъ началахъ). Такимъ образомъ, подобраніи подъ васъ себѣ служащихъ и купивши всю администрацію и инспекцію, углепромышленники творятъ на своихъ рудникахъ, что хотятъ. Ихъ надзательству и надзательству надъ шахтеромъ нѣтъ границъ. Всякій протестъ со стороны рабочихъ, будь онъ самый мирный и законный, остается безъ всякихъ результатовъ. У на случай коллективныхъ протестовъ (безпорядковъ и такъ наз. „бунтовъ,) у нихъ есть еще другія средства въ запасѣ. Тутъ уже они выступаютъ не по одиночкѣ, а организованно (сюзомъ) — существуютъ ежегодные „съѣзды углепромышленниковъ Юга Россіи". На этихъ съѣздахъ они обсуждаютъ свои общія дѣла — ходатайствуютъ передъ правительствомъ о разныхъ льготахъ и подачкахъ. Здѣсь же рѣшаются вопросы и о томъ какъ бороться съ шахтеромъ, если онъ паче чаянія вздумаетъ бунтовать. Такъ, года три тому назадъ (см. протоколы съѣзда горнопромышл. Юга Россіи) они рѣшили ассигновать около 10,000 р. единовременно и около 40,000 тысячъ ежегодно на квартированіе и содержаніе войскъ въ горномъ районѣ и обратились съ этой цѣлью къ правительству. Мотивировалось это ходатайство самъ наглаго — имъ нужны войска, какъ они выражаются „для правильнаго теченія промышленной жизни". Услужливое для капиталистовъ правительство, конечно, не отказало въ этой просьбѣ и дало въ распоряженіе казаковъ.

Иллюстраціей того, какимъ образомъ достигается это „правильное теченіе промышленной жизни", служитъ усмиреніе безпорядковъ на прохоровскихъ конныхъ въ окт. 1900 г. Начались они изъ-за пониженія заработной платы. Въ 6 час. утра рабочіе собрались около шахты № 10 и дали тревожный гудокъ. Въ шахту не пошли и потребовали директора. Во время переговоровъ съ нимъ надзиратель съ урядниками и полицейскими конными вѣдались въ толпу женщинъ и ребятъ, находившихся поодаль. Послышались крики: „что мы будемъ разговаривать въ то время, когда бьютъ нашихъ женъ и дѣтей", и толпа немедленно обратила въ бѣгство полицію и начала разбивать домъ конторы, дома служащихъ и пр.; къ полудню разошлись. Но буйства прибыла сотня казаковъ, и начальникъ округа Кулинковскій. Вечеромъ въ тотъ же день загудѣли тревожные гудки и на всѣхъ шахтахъ, принадлежащихъ проx. общ. На слѣдующій день на шахтѣ № 10 надъ предполагаемыми зачинщиками (по сказу полиціи) была экзекуція по распоряженію Кулинкова и подъ его наблюденіемъ. Послѣ экзекуціи казаки съ начальникомъ округа во главѣ отправились на № 27, гдѣ были нагайками всѣхъ оказавшихся на улицѣ. По дорогѣ туда имъ встрѣтилась партія

мужиковъ съ котомками, идущихъ на заработки. Клунниковъ закричалъ имъ: „стой, бунтовщики" — далѣе слѣдуетъ непечатная брань. Напрасно „бунтовщики" утверждали, что они только что пріѣхали и идутъ со станціи — Клунниковъ скомандовалъ: „всыпать имъ с.... с.... м." и „всыпали", а затѣмъ арестовали. Когда явившійся черезъ недѣлю слѣдователь, по разсмотрѣніи паспортовъ, убѣдился, что они, дѣйствительно, не могли принимать участія въ безпорядкахъ, и робко заявилъ Клунникову, что напрасно-де ихъ выпороли, тотъ отвѣтилъ: „ну, такъ пусть это имъ будетъ авансомъ". На вопросъ, заданный этому слѣдователю, почему онъ не заноситъ въ протоколъ всѣхъ этихъ безобразій, онъ отвѣтилъ: „попробуй-ка я это сдѣлать, меня со службы вышвырнятъ, да и изъ предѣловъ таганрог. окр. выпьютъ въ три дня". На прочихъ шахтахъ съ небольшимъ числомъ рабочихъ, гдѣ рабочіе не производили никакихъ безпорядковъ и не имѣли только на работу за пониженную плату, Клунниковъ явился со своими казаками, сзывая шахтеровъ и подъ страхомъ порки немедленно отправлялъ ихъ на работы.

Г. Луганскъ, Екат. губ. Заводъ Гартмана. — Здѣсь работаетъ около 3000 рабочихъ. Прежде на этомъ заводѣ заработная плата средняго слесаря достигала 80-90 руб. въ мѣсяцъ. Но съ появленіемъ на нашемъ заводѣ начальника паровозо-строительнаго отдѣла Тауссона, заработки значительно понижены и едва достаютъ 35-40 рублей и если прибавить сюда тѣ многочисленные штрафы, которыми начальство любитъ такъ щедро награждать рабочихъ, то станетъ яснымъ то раздраженіе со стороны рабочихъ, которое чуть не выразилось въ убійствѣ Тауссона. Луганскій Комитетъ (онъ солидаренъ съ Р.С.-Д. Р. П.) выпускомъ прокламаціи, указалъ, что убійствомъ дѣлу не поможешь, разобравшись всѣ продѣлки Т., онъ рекомендовалъ истинное средство борьбы за улучшеніе положенія рабочаго люда — стачку. Этимъ Комитетъ предупредилъ и уничтожилъ малѣйшую попытку совершить убійство. Но такъ какъ стачка, по нѣкоторымъ консервативнымъ соображеніямъ, невозможна въ *данномъ случаѣ*, то нѣкоторымъ изъ организованныхъ рабочихъ было рѣшено поручить удалить Тауссона другимъ способомъ, уже испытаннымъ и во многихъ случаяхъ удавшимся. На слѣдующій день, по рѣшенію, начальникъ Тауссонъ честь-честью былъ вывезенъ на тачкѣ, подъ мѣшкомъ за ворота, подъ свистъ и крикъ „долой Тауссона" многочисленной толпы. Но Таус. не оскорбился, да и начальство вмѣстѣ съ фабричнымъ инспекторомъ только посмѣивалось, нарочно принявъ эту продѣлку за шутку и продолжали свои продѣлки. Комит. выпустилъ прокламацію „къ рабочимъ завода Гартмана", гдѣ предупреждалъ рабочихъ, а также и Тауссона, что если его продѣлки не прекратятся (пониженіе расцѣнокъ, грубое отношеніе къ рабочимъ), то пусть рабочіе готовятся къ стачкѣ и ждутъ комитетскаго листка. Таус., повидимому, струсилъ и на слѣдующій день вывѣсилъ слѣдующее объявленіе:

„Въ виду распространившихся слуховъ о томъ, что расцѣнки на сдѣльную работу будутъ понижены на 20%, я считаю нужнымъ предупредить, что расцѣнки на *сдѣльную работу* могутъ быть сбавлены лишь съ разрѣшенія *фабричной инспекціи*. Въ случаѣ же мастера самовольно будутъ сбавлять, — прошу немедленно заявить мнѣ объ этомъ.

Начальникъ паровозо-строительнаго отдѣла Тауссонъ".

Въ данное время на заводѣ практикуется такого рода тактика: — разсчитываютъ тѣхъ рабочихъ, у которыхъ есть хоть что нибудь неблагонадежное, болѣе длинныя волосы, и начальство рѣшаетъ, что они изъ „этихъ — соціалистовъ". А взамѣнъ ихъ принимаютъ безработныхъ по очень низкой заработной платѣ 75-80 коп. Далѣе переполнили городовыми и шпіонами весь заводъ. Да, кстати, Таусссонъ боится показываться на улицѣ и выходитъ не иначе, какъ подъ прикрытіемъ двухъ „ангеловъ-хранителей", а возлѣ квартиры оставляютъ постъ.

Не *прелесть* и „бдительное око" нашихъ помощаровъ: они подслѣдное апрѣля произвели нападеніе на городъ Луганскъ. Но наши „рѣдѣтели" жестоко ошиблись въ разсчетѣ. Желая подкосить „крамолу" въ корнѣ, производили обыски у людей совершенно непричастныхъ и этимъ только ихъ озлобили противъ себя.

Въ тюрьмѣ до 1-го апрѣля сидѣло 5 человѣкъ. И. И. Яковлевъ. А. Н. Крупницкая (акушерка) и три отбывающіе.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Къ 1 мая Организаціонный Комитетъ выпустилъ изъ партійной типографіи и распространилъ 300.000 майскихъ прокламацій трехъ текстовъ.

Нами получены листки, изданные по поводу Кишиневскихъ злодѣйствъ Кіевскимъ, Одесскимъ и Харьковскимъ Комитетами Росс. Соц. Дем. Раб. Партіи и Кишиневскимъ Комитетомъ Соціалъ-демократической Организаціи.

Въ Кіевскомъ листкѣ (заглавіе: „Кому нужны еврейскіе погромы"), полученномъ 16 апр., констатируется 1) что въ Кишиневѣ для устройства погрома и возбужденія Кишиневской голытьбы были посланы полицейскіе агенты (примѣты одного изъ нихъ — лицо, опаленное сѣрной кислотой; — *онъ теперь въ Кіевѣ*).

2) Что въ Кишиневѣ были разбросаны *прокламаціи полицейскаго происхожденія*, гдѣ упоминались всѣ басни о кровавыхъ еврейскихъ жертвоприношеніяхъ. 3) Что губернаторъ (уже послѣ погрома) угрожалъ богатымъ евреямъ еще большими набѣленіями, если они будутъ упорствовать въ своихъ утвержденіяхъ о преступномъ поведеніи власти". Далѣе говорится о признаніяхъ того, что полиція подготовляетъ погромы также и въ другихъ мѣстахъ и въ то же время занимается шантажемъ, выманая у погромовъ взятки съ евреевъ, какъ, напримѣръ, на дняхъ въ Аккерманѣ, гдѣ полицеймейстеръ потребовалъ у богатыхъ евреевъ взятку въ 600 руб. подъ угрозой устройства погрома". Въ заключеніе говорится: „Въ виду того, что въ Кіевѣ полиція подготовляетъ еврейскій погромъ, Кіевскій соц.-дем. Комитетъ *отмѣчаетъ демонстрацію*, назначенную имъ на 20-ое апрѣля и приглашаетъ товарищей защищать евреевъ въ случаѣ возникновенія погрома". Такое приглашеніе къ самой энергичной защитѣ должны дѣлать по нашему мнѣнію, комитеты всѣхъ городовъ, въ которыхъ полиція имѣетъ хоть какіе нибудь шансы устроить погромъ.

„Подготовленіе погрома" Кіевской полиціей заключается по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, между прочимъ, въ распространеніи листка, написаннаго „съ разрѣшенія духовной цензуры", съ „крикомъ Спасителя сверху, въ которомъ разсказывается, какъ гдѣ-то когда-то евреи зарѣзались въ домѣ благочестиваго христіанина, начали тамъ безчинствовать, стали рѣзать икону, изъ которой показалась кровь и т. д. Говорятъ такіе листки продаются за 1½ коп. на базарѣ. Мало того, распространялась еще гектографированная прокламація, въ которой „православные христіане" призываются „взяться за евреевъ".

Депутатамъ отъ евреевъ, явившимся къ Новицкому, этотъ послѣдній отвѣтилъ, что если въ майской демонстраціи будутъ участвовать евреи, то онъ не дастъ ни одного городового для усмиренія погрома. Отвѣтъ той же депутаціи полицеймейстера Цитоцкаго былъ (если это возможно) еще отвратительнѣе: полиція будетъ защищать евреевъ, если они сами не будутъ защищаться. Рядомъ съ картиной поднятой паники, охватившей еврейское населеніе, корреспондентъ упоминаетъ и о болѣе отрадныхъ явленіяхъ: еврейская молодежь устроила „Комитетъ самообороны", который насчитываетъ уже до 900 членовъ и дѣятельно вооружается. Нѣмъ хотѣлось бы думать, что въ оборонѣ евреевъ, въ случаѣ погрома, приметъ энергичное участіе и русская часть настроенную часть нашей молодежи, броситься на защиту жертвъ отъ палачей, ее могла бы побудить къ этому, потребность загладить позорное участіе молодыхъ негодяевъ (семинаристовъ, гимназистовъ и даже студентовъ!) въ кишиневскихъ злодѣяніяхъ.

Кромѣ вышеупомянутаго листка, намъ доставлены еще слѣдующія изданія Кіевскаго комитета за февраль и мартъ мѣсяцы: 1) „Голосъ кіевскихъ рабочихъ" 3 февр., 2) № 8 „Кіевскаго соц.-дем. листка" 22 февр., 3) „Ко всѣмъ кіевск. навочникамъ" 8 март., 4) „Царскій манифестъ" 9 марта, 5) „Отвѣтъ на голосъ кіевск. рабочихъ" 15 марта, 6) „Голосъ организованныхъ жел.-дор. рабочихъ" 12 марта, 7) № 9 „Кіевскаго соц.-дем. листка" 21 марта.

Ростовъ н./Д., 6-го апрѣля (отъ „Донск. Комитета). Все время, прошедшее со дня окончанія стачки въ мастерскихъ Вик. жел. дор. Донской Комитетъ велъ широкую политическую агитацію среди всѣхъ слоевъ населенія Ростова и прилегающихъ мѣстностей. Имъ было распространено болѣе 20.000 воззваній, посвященныхъ всестороннему обличенію существующаго строя; такъ, имъ были изданы воззванія „О 200-дѣтіи печати", „Кто придушилъ насъ", „О самодержавіи", „Какъ правительство грабитъ народъ", „Предательское освобожденіе", „Отчетъ о дѣятельности Комитета за 1902 г." 22-го февраля Комитетомъ были организованы три сходки рабочихъ, на которыхъ присутствовало болѣе 400 человѣкъ; на сходкахъ были произнесены рѣчи о паденіи крѣпостного права, о предательскомъ характерѣ освобожденія, объ аграрной программѣ русской соціалъ-демократіи и о пропагандѣ въ деревнѣ. 1-го марта снова были организованы три сходки, посвященныя исторіи революціоннаго движ. въ Россіи, дѣятельности партіи „Народной Воли" и оцѣнкѣ террора, какъ средства борьбы съ самодержавіемъ. На одной, самой многолюдной, сходкѣ была произнесена еще рѣчь о взаимоотношеніи соціальныхъ классовъ въ Россіи. Противопоставивши „террористической" борьбѣ отдѣльныхъ революціонеровъ съ правительствомъ — стройную борьбу рабочей арміи и выяснивши цѣль и значеніе демонстрацій, ораторы на всѣхъ трехъ сходкахъ призвали рабочихъ на демонстрацію въ воскресенье, 2-го марта. Сходки разошлись съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, привлекшихъ вниманіе ростовской „охраны", благодаря которой въ настоящее время степь бдительно охраняется казачьими разъѣздами. — Въ настоящее время Комитетъ ведетъ энергичную майскую агитацію; выпустивши воззванія „о демонстраціи", „о судѣ надъ тихорѣцкими рабочими" „отвѣтъ книжкѣ Богдановича", Комитетъ приступилъ къ изданію майскихъ листковъ. Въ ночь подъ Пасху распространено 4.000 листковъ „О соціализмѣ", призывающихъ готовиться къ праздновано 1-го мая. 1-го апрѣля, несмотря на всѣ препятствія, удалось устроить двѣ сходки изъ 250 и 120 человѣкъ, на которыхъ произнесены были рѣчи о соціализмѣ и политической борьбѣ. „Демонстраціи", учащейся молодежи 23-го марта, произвела сильное впечатлѣніе на рабочихъ, очень жалѣющихъ, что не узнали о ней заблаговременно. Сильный спросъ на нелегальную литературу, въ десять разъ превышающій ея предложеніе.

Саратовскій Комитетъ Рос. С.-Д. Р. П. о своихъ дѣйствіяхъ за нѣсколько зиму извѣщаетъ:

Послѣ присоединенія къ Комитету Сарат. соц.-дем. ремесленнаго Союза и соц.-дем. членовъ Объед. Группы соц.-рев. и соц.-дем., Комитетомъ былъ составленъ общій планъ работы въ Саратовѣ. Въ числѣ задачъ Комитета на первый планъ была поставлена пропаганда и агитація среди мѣстнаго рабочаго населенія. Предполагалось, между прочимъ, упорядочить и болѣе приспособить къ организаціоннымъ цѣлямъ кружковую пропаганду Комитета. Комитетомъ былъ намѣченъ курсъ изъ девяти лекцій для кружковъ. Въ задачу этихъ лекцій ставилось выясненіе слушателямъ положеній научнаго соціализма и программы Рос. С.-Д. П. Далѣе предполагалось, что лучшія силы изъ слушателей этихъ кружковъ будутъ намѣчаться во время кружковыхъ занятій и съ ними будутъ вестись отдѣльныя занятія, какъ по теоретическимъ, такъ и по вопросамъ тактики и организаціи: въ результатѣ чего должны были вырабатываться вполнѣ сознательные работники революціоннаго дѣла, — основа и фундаментъ мѣстной организаціи. На практикѣ, однако, оказалось, что курсъ девяти лекцій (на дѣлѣ ихъ число сводилось даже къ пятнадцати) проводить не удавалось. Онъ оказался слишкомъ великъ и слушатели то и дѣло мѣнялись, не выслушивая его до конца, а недостатокъ квартиръ и частые ихъ провалы при усиленной слѣжкѣ страшно затрудняли собранія. Приходилось урѣзывать программу, жертвовать, и довольно большое по Саратову число кружковыхъ рабочихъ (до 200 чел.) сильно сократилось. На первый планъ выдвинулась необходимость широкаго распространенія популярной революціонной литературы, какъ необходимаго условія поднятія политическаго сознанія въ рабочей массѣ. Распространеніе литературы должно было также пополнить и пробѣлъ въ пропагандистской работѣ комитета, образовавшійся послѣ уменьшенія числа кружковъ. Къ сожалѣнію, у Комитета не было въ распоряженіи достаточнаго количества популярной партійной литературы и всѣ попытки получить ее извнѣ долгое время не увѣнчивались успѣхомъ. Этой потребностью въ литературѣ въ значительной степени обусловливалось развитіе и издательской дѣятельности самого Комитета, и листки послѣдняго восполнять, поэтому, не только агитаціонный, но пропагандистскій, популяризаторскій характеръ. За зиму Комитетомъ были изданы прокламаціи и листки: „Ко всѣмъ сарат. жителямъ" 300 экз., „Къ рабочимъ конки" 200 экз., „Къ рабочимъ мельницы Шмидта" съ прилож. Устава раб. кассы 100 экз., „Обвинительный актъ по дѣлу о саратовскихъ демонстрантахъ" 600 экз., Прокламація о судѣ 3000 экз., „Ко всѣмъ сарат. рабочимъ" (о крестьянскихъ волненіяхъ) 650 экз., „Къ солдатамъ 2000 экз., Къ рекрутамъ 2000 экз., „Что же дѣлать?" (по вопросу о терроръ) 2000 экз., „Россія — тюрьма" 1500 экз., „Вечерозломленская ночь" (объ арестахъ на 1 ноября) 600 экз., „Напутственное приговоръ надъ демонстрантами" 600 экз., „Судебная трагикомедія" 1500 экз., „О судѣ" 600 экз., о томъ же 2000 экз., „Къ рабочимъ завода Бориша" 600 экз., „Открытое письмо въ „Искру"" (напечатанное въ № 32) 200 экз., „О ростовскихъ событіяхъ" (по поводу правительственнаго сообщенія) 600 экз., о томъ же двѣ перепечатки изъ „Искры" по 600 экз., рѣчь Заломова (изъ „Искры") 600 экз., рѣчь Быкова 1500 экз., „О налогахъ" 600 экз., „19 февраля" 3000 экз., „О манифестѣ" 1500 экз., стихотвореніе 600 экз., „О Златоустовской бойнѣ" 1500 экз. Кромѣ того, были распространены въ количествѣ около 4000 экз. листки СПБ. Комитета партіи № 2-7 и листокъ „Что такое политическая свобода?". Въ то же время Комитетъ распространялъ, помимо чтенія въ кружкахъ, и отдѣльныя брошюры.

Возгорѣвшаяся полемика между соц.-дем. и соц.-рев. поставила кружки въ новыя условія: со стороны слушателей настоятельно ставились требованія о разъясненіи различій между соц.-дем. и соц.-рев. Главнымъ вопросомъ кружковыхъ занятій стали вопросы о выясненіи программы Рос. С.-Д., и отличія ея отъ программы соц.-рев., вопросы о терроръ, классовой борьбѣ и пр. Спросъ на соц.-дем. литературу сильно растетъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, гдѣ у Комитета до прошлаго года было еще мало связей. И Комитету до сихъ поръ далеко неполно удается удовлетворить эти требованія.

За послѣдніе 6 мѣс. Комитетъ израсходовалъ за мѣстныя нужды 1139 руб. 55 коп., передалъ на партійныя дѣла 495 руб.

Одесскій Комитетъ тоже издалъ въ мартѣ листокъ „Царскій манифестъ 26-го февраля" и въ апрѣлѣ „Воззваніе къ всѣмъ" о той „смутѣ" на которую жалуется тотъ-же манифестъ. Его воззваніе „Къ обществу" по поводу Кишиневскихъ злодѣйствъ, совершенныхъ подъ руководствомъ полиціи, заканчивается словами: „Пусть тѣ, кому дорого человѣческое достоинство, свобода, даже жизнь, придутъ къ намъ на помощь. Въ настоящее время быть только зрителемъ — стыдно, даже болѣе того — преступно. Кто не противодѣйствуетъ, тотъ содѣйствуетъ". Листокъ констатируетъ, что какъ въ Кишиневѣ, такъ и въ самой Одессѣ, жандармерія распространяла черезъ своихъ агентовъ прокламаціи противъ евреевъ „съ разжигающими дикіе инстинкты толпы карактинами".

Тѣмъ же комитетомъ изданы 2 тѣхъ же событіяхъ „письмо очевидца" и еще одно воззваніе — оба [illegible]. Кишиневскій комитетъ издалъ майское воззваніе (печат.) [illegible]азветвленіе" — прокламацію о положеніи рабочаго класса и [illegible]ссіи: Союзъ горнорабочихъ издалъ листокъ о стачкѣ [illegible] (4000 экзем), о первомъ мая (8000 экз.) и — въ 40[illegible] призывъ къ праздно-

Николаевскій Комитетъ издалъ 1 дек. — № 6, 1 февр. — № 7 и 1 марта — № 8 газеты „Наше Дѣло", очень богатой матеріаломъ изъ жизни мѣстныхъ рабочихъ. Газета (въ двѣ страницы большого формата) прекрасно отпечатана.

Саратовскій Комитетъ издалъ (на мимеографѣ) по поводу Златоустовской бойни листокъ подъ заглавіемъ „Шестой разстрѣлъ рабочихъ". — Листокъ Уфимскаго Комитета о той же бойнѣ озаглавленный „Къ гражданамъ" отпечатанъ въ „Урал. Соц. Дем. тип. Сверхъ того, изданъ еще одинъ листокъ о томъ же событіи „Письмо очевидца". — **Сибирскій Комитетъ** выпустилъ изъ своей типографіи къ майскому празднику четыре прокламаціи разнаго содержанія. Сверхъ того, отдѣльное воззваніе издано имъ къ солдатамъ и казакамъ. — О майскомъ же праздникѣ издано воззваніе Ц. К-омъ учащихся средне-учебныхъ заведеній.

Томскъ. Вышелъ переизданный № 34 „Искры" въ количествѣ 150 экз., распространенъ по всей Сибири.

Вышло въ количествѣ 300 экз. переизданное „Что случилось" изъ первой книжки „Зари".

Группа рев. соц.-дем. объединилась съ Сиб. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Кіевъ. 7 апрѣля взяты: студенты А. Гуревичъ, В. Бланкъ, Берлинъ, Н. Прилежаевъ, Ф. Тимоѳеевъ; политехн. О. Казанскій; акуш. Фрумина, ученица зубовр. школы Анна Лувищукъ, женщ. врачъ Лидія Пекарь, интеллигенты: Е. Диккеръ, Ольга Блантъ, Сара Альтшулеръ, Ева Черникъ, Екат. Кузнецова, Екат. Лисс, Софья Любимцева, Анаст. Кузнецова, Над. Волкова, учитель Забицкій, токарь Ив. Полозевъ, типогр. Федоръ Короленко, наборщ. Ив. Любимцевъ, рабочіе Марія Толмачева, Федоръ Алексѣевъ; 9-го апрѣля: инт-ты Королева, Леонтина Гринфельдъ, Берта Жижерова, Алекс. Берлинъ, Веньям. Гринфельдъ; 13-го апрѣля токарь М. Пружининъ, литейщ. Захарій Кучеръ, слесарь Р. Ефимовъ, портные Г. Каганъ, Ю. Златинъ, литейщ. М. Жижинъ, заготовщ. К. Гальперинъ, столяръ І. Райценъ, маляръ Пав. Гіжемскій, слес. Аронъ Романовскій и Гиръ. Колтуновъ, модистка Анна Гринцевичъ, электротех. Григ. Гусаковъ, учен. зубовр. школы Школьникъ, ученица акуш. школы Р. Мунвезъ, политехн. Вольскій, Темкинъ, Марковичъ, Кауфманъ; 14-го — студ. Д. Потемкинъ, и В. Зеленцъ. По слухамъ, арестовано около того же времени 10 офицеровъ и отвезены въ С.-Петер-гъ. — **Екатеринославъ.** Въ среднѣ апр. арест. 18 человѣкъ, въ томъ числѣ г.жа Бульфовичъ и В. Цедербаумъ. — **Петербургъ.** Въ началѣ апрѣля взята типографія „Рабоч. организаціи" и складъ изданій; 18 апрѣля были массовые аресты. — **Одесса.** Взятъ докторъ Богомолецъ. — **Москва.** Арестованъ Сладкопѣвцевъ, при немъ взято оружіе и адресъ домовладѣльца Кирѣевскаго. Послѣдній арестованъ и у него же арест. какая-то дама. Сладкопѣвцевъ увезенъ въ С.-Петербургъ. — **Ярославль.** Опять аресты (на Страстной или Пасхѣ). Арестовано человѣкъ 26, большею частью учащаяся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ молодежь. Арестованъ во второй разъ Соболевъ, ст. и Нина Дидриклъ. — **Кронштадтъ.** Арестовано 20 матросовъ и два офицера. — **Казань.** Арестовано 16 человѣкъ. — **Красноярскъ.** Въ мартѣ арестованы: Влд. Ивовъ, рабочій Мацкевичъ, сельская Т. Аркусская.

Уфа. Въ ночь на 5-ое марта арестованы три интеллигента и одинъ рабочій. Въ уфимскую тюрьму изъ Златоуста привозятъ интеллигентовъ и рабочихъ. Штатъ жандармовъ увеличенъ.

Приговорены: по Нижегородскому дѣлу 1901 г.: Марія Тихомирова — 3 г. Вятск. губ., Анд. Войтковичъ и портниха Анна Булатова — 3 г. Вологод. губ.; по петербургскому дѣлу,— Павелъ Торецовъ — 3 г. Арх. губ. по Петербургскому дѣлу „Искры" (дек. 1901 г.) сосланы на 5 л. въ В. Сибирь: гжи Рубинчикъ и Минская; на 3 г. въ Вятскую Екатерина Гуро. Соболевъ, Зайцевъ.

Прошли черезъ Красноярскъ сосланные въ В. Сибирь: Давидъ Кацъ и Ханмъ Заковъ (по дѣлу Бунда 1901 г.) — до приговора, Екатеринослав. демонстранты А. Дворенкій (5 л.) К. Ермаюкъ (5 л.) и Роза Гольдбергъ (4 г.), Алекс. Яндовскій изъ Кишинева (4 г.).

Бѣжали изъ Восточной Сибири: 1) Р. Заславская, сосланная изъ Москвы на 3 г. по дѣлу о переводѣ „Искры"; 2) бывш. студ. Серг. Антроповъ и 3) раб. Викт. Ногинъ — нелегальные, арестованы въ 1901 г. по петербургскому дѣлу „Искры" и сосланные до приговора послѣ годичнаго заключенія и 4) Абрамъ Гаккельманъ изъ Пинска (по дѣлу 1901 г.)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Вышла новая брошюра: „Въ казармѣ" (изъ наблюденій солдата-соціалъ-демократа).

Отъ редакціи: Неожиданныя событія въ Кишиневѣ побудили насъ нѣсколько измѣнить содержаніе выпускаемаго номера. Благодаря этому, пріурочивъ къ 1 мая обзоръ событій революціонная года пришлось отложить до слѣдующаго номера, который, если обстоятельства позволятъ, будетъ нами выпущенъ до обычнаго двухнедѣльнаго срока.

Изъ Парижа: въ февр. 100 фр., въ мартѣ 300 фр.; отъ „своего" 50 фр. Изъ „ъ" (мягк. зн.): сборы 125,10 фр., за литер. 75,30 фр., отъ консума 34,40 фр., на изд. запис. Л. Дейча 44 фр., на попул. лит. 34 фр., всего 317,10 фр. Изъ Л. чрезъ М—ую за лит. 200 мар., пожертв. отъ № 10 мар., отъ Отскаго 1 м. и отъ Спорящихъ 1 м. Съ береговъ Женевск. оз. по подп. л. № 56 55 Фр. Изъ Вѣны за литер. 44 фр., изъ М—ка 200 мар., изъ М. за литер. 39 фр. Изъ Цюриха: за литер. 65 фр. и 5 р. отъ П. Изъ Брюсселя: 82 фр. и въ Сибирск. кас. 3,50 фр. Отъ Македонца для Златоустовцевъ 5,60 фр. Изъ Нью-Іорка 25 дол. Изъ Новочеркасска чрезъ Сем. Троф. 5 руб. Черезъ „Южн. Рабочій" поступило на техническія нужды Орган. Ком.: отъ Х. 175 руб., отъ У. 125 руб., отъ 11 — 250 руб., отъ 27 — 200 руб., отъ Z. 250 руб., отъ Жоржа 100 руб., отъ 33 — 150 руб., отъ 49 — 100 руб. Всего 1350 руб. Получено крысой съ 20 III по 6 IV: отъ милыхъ сердцу 10 руб., долгъ племяни 10 руб., отъ молодого комитета 15 руб., отъ N. N. N. 79 руб., СПБ. 215 руб., отъ головотяповъ 50 руб. Всего 379 руб. Получено отъ Аспида Васьки 100 руб. отъ Пушкина и Мартышки 80 руб., черезъ Надю 60 руб., отъ вѣтра 60 руб., 2 фунта за литер. изъ Лондона. Въ пользу арест. собрано въ Лейпцигѣ 9,50 мар., въ Дрезденѣ 16 мар. Отъ „не-искровца" для Орг. Ком. 50 руб., изъ L-а 170 мар., черезъ Надю 25 руб., отъ Георгины Гали 210 руб., отъ Надежды Вас. 100 руб., отъ Пѣвуна 11 руб., черезъ Надю 65 р., отъ Іоны 11 руб., отъ Руди 60 руб., отъ Жана 10 руб., сборъ чер. N. 13 р., отъ ребенка 20 р., отъ Воронеж. с.-д. „Кассы борьбы" 100 р., изъ Сиб. для „И." 350 мар., отъ № 10 13 р.

Въ почтов. ящ. № 38 вкрались слѣд. опечат.: отъ женевской группы напечатано 13,20 фр., должно быть 132,20 фр.; изъ Ма. напечатано 14 фр., должно быть 24 фр.

Памятникъ на могилѣ М. А. Бакунина. Группа нашихъ соотечественниковъ, живущихъ въ Швейцаріи, взяла на себя починъ поставки памятника на могилѣ покойнаго М. А. Бакунина, похороненнаго въ Бернѣ. Эта группа просила насъ напечатать воззваніе, написанное ею по этому поводу. Къ величайшему нашему сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ исполнить эту ихъ просьбу. Мы вынуждены ограничиться напечатаніемъ адреса, по которому лица, живущія заграницей, могутъ отсылать свои пожертвованія. Вотъ этотъ адресъ: Herrn Monnier-Ioff, Russischer Lesesverein. Bern, Schweiz. Пожертвованія могутъ быть передаваемы также черезъ редакцію „Искры".

Намъ остается прибавить, что, несмотря на глубокія различія, отличающія наши взгляды отъ взглядовъ М. А. Бакунина, мы умѣемъ цѣнить въ немъ человѣка, въ теченіи всей своей жизни твердо и самоотверженно боровшагося за свои убѣжденія. Такихъ людей, къ сожалѣнію, слишкомъ мало еще у насъ въ Россіи, и памятъ ихъ должна быть дорога даже для ихъ противниковъ. Вотъ почему „Искра" вполнѣ готова содѣйствовать предпріятію Монниеровой и его товарищей.

Типографія „Искры".